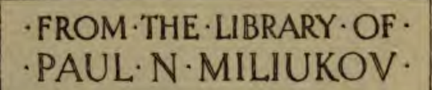
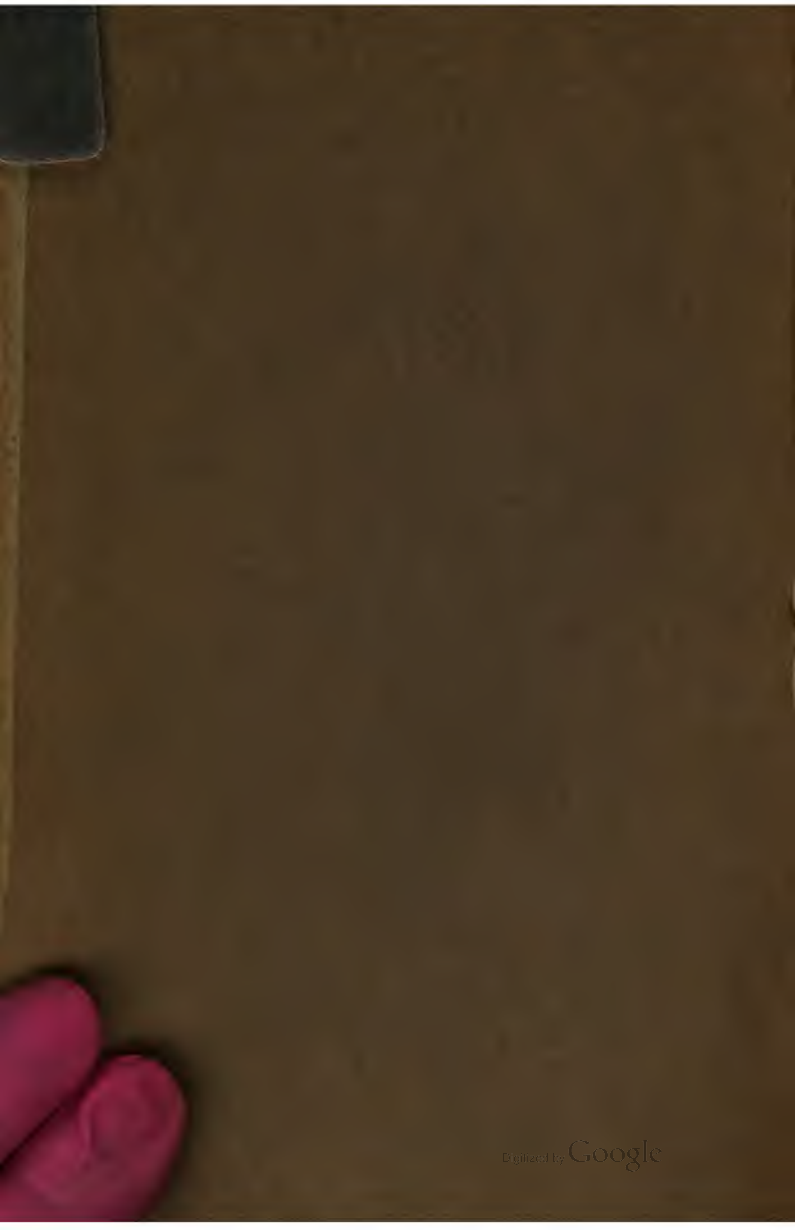

UC-NRLF
$B 319 373


·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·



I.D. IAkushkin

Zapiski

ЗАПИСКИ

ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА

ЯКУШКИНА.

(Aufzeichnungen des J. D. Jakuschkin.)

Второе изданіе.

ЛЕЙПЦИГЪ: | LEIPZIG:

Э. Л. Каспровичъ. | E. L. Kasprowicz.

1875

35c

ЗАПИСКИ

ИВАНА ДМИТРІЕВИЧА ЯКУШКИНА.

I.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были-бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію Галловъ и съ ними двунадесять языцы, если-бы народъ по прежнему остался въ оцѣпененіи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе; не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ на право и на лѣво, поле было покрыто пестрой толпой и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: "ну слава богу, вся Россія въ походъ пошла!" Въ

рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, оставившій войско прежде витебскаго сраженія, возвратился къ нему въ Вильно. Конечно, никогда прежде, и никогда послѣ не былъ онъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время, въ это время онъ его любилъ и уважалъ. Россія была спасена, но для императора Александра этого было мало; онъ двинулся за границу съ своимъ войскомъ для освобожденія народовъ отъ общаго ихъ притѣснителя. Прусскій народъ, втоптанный въ грязь Наполеономъ, первый отозвался на великодушное призваніе императора Александра; все возстало и вооружилось. Въ 13мъ году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее; предоставилъ даже ей избрать родъ правленія, какой она найдетъ для

себя болѣе удобнымъ, съ однимъ только условіемъ, что Наполеонъ и никто изъ его семейства не будетъ царствовать во Франціи. Когда увѣрили императора Александра, что французы желаютъ имѣть Бурбоновъ, онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность Людовику XVIII, даровать права своему народу, обезпечивающія до нѣкоторой степени его независимость. Хартія Людовика XVIII, дала возможность французамъ продолжать начатое ими дѣло въ 89-мъ году. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца.

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ, каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ.

Изъ Франціи въ 14-мъ году, мы возвратились моремъ въ Россію. 1-ая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ, который служилъ оберъ-священникъ Державинъ. Во время молебствія, полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело

на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество. Я получилъ позволеніе уѣхать въ Петербургъ и ожидать тамъ полкъ. Остановившись у однопажника Толстова (теперь сенатора), мы отправились вмѣстѣ съ нимъ во фракахъ взглянуть на 9-ую гвард. дивизію, вступающую въ столицу. Для ознаменованія великаго этого дня, были выстроены на скорую руку у петергофскаго въѣзда ворота и на нихъ поставлены шесть алебастровыхъ лошадей, знаменующихъ шесть гвард. полковъ 1-ой дивизіи. Толстой и я стояли недалеко отъ золотой кареты, въ которой сидѣла императрица Марья Ѳедоровна съ вел, княж. Анной Павловной. Наконецъ показался императоръ, предводительствующій гвард. дивизіей, на славномъ рыжемъ конѣ, съ обнаженной шпагой, которую уже онъ готовъ былъ опустить передъ императрицей. Мы имъ любовались; но въ самую эту минуту, почти передъ его лошадью перебѣжалъ черезъ улицу мужикъ. Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженной шпагой. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ, и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое разочарованіе на его счетъ; я невольно вспомнилъ

о кошкѣ, обращенной въ красавицу, которая однакожъ не могла видѣть мыши, не бросившись на нее.

Въ 14-мъ году существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастію. Походъ этотъ отъ Петербурга до Вильны и обратно былъ для гвардіи прогулкой. Въ томъ-же году мы возвратились въ Петербургъ. Въ семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали-же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя га-

зеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ — такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе. Въ 11-мъ году, когда я вступилъ въ семеновскій полкъ, офицеры сходившись между собою, или играли въ карты, безъ зазрѣнія совѣсти надувая другъ друга, или пили и кутили на пропалую. Полковой командиръ семеновскаго полка генералъ Потемкинъ покровительствовалъ нашей артели и иногда обѣдалъ съ нами; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ Александръ приказалъ Потемкину прекратить артель въ семеновскомъ полку, сказавъ: "что такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся". Императора однако-же все еще любили, помня, какъ онъ былъ прекрасенъ въ 13 и 14 годахъ, и потому ожидали его въ 15-мъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ появился флагъ на Зимнемъ дворцѣ и въ тотъ-же день велѣно всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ быть на выходѣ. Всѣхъ удивило, что при этомъ не было артиллерійскихъ офицеровъ; они пріѣзжали, но ихъ не пустили во дворецъ. Полковникъ Таубе донесъ государю, что офицеры его бригады въ спошеніи съ нимъ позволили себѣ дерзость. Таубе былъ ненавидимъ и офицерами и солдатами; но вслѣдствіе его доноса: два князя Горчакова (главнокомандующій на Ду-

ная и бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири) и еще пять отличныхъ офицеровъ были высланы въ армію. Происшествіе это произвело непріятное впечатлѣніе на всю армію. До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изрѣченія императора Александра, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ на пр. при смотрѣ при Вертю во Франціи, на похвали Велингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ Александръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютант гр. Ожеровскій, родственникъ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, возвратившись однажды изъ дворца, разсказалъ имъ, что императоръ, говоря объ русскихъ вообще, сказалъ: "что каждый изъ нихъ или плуть или дуракъ" и. т. д. По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяцъ отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ графу Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи-же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у развода; во всѣхъ полкахъ начались ученія и шагистика вошла въ полную свою силу.

Служба въ гвардіи стала для меня несносна.

Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ Турками, и я подалъ просьбу о переводѣ меня въ 37-ой егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ фонъ Визинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и извѣстный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я — мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіи 25 лѣтъ почти была каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ — большею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ насъ занимавшихъ показалось-бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

Одинъ разъ Трубецкой и я — мы были у

Муравьевыхъ, Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевы, съ предложеніемъ составить Тайное Общество, цѣль котораго по словамъ Александра должна была состоять въ противудѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчизнѣ, и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ; но что еслибы составилось Тайное Общество, членамъ котораго поставлялось-бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ-бы въ такое общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы, на предложеніе Александра отвѣчали почти то-же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній, Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ, было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣль котораго была въ обширномъ смыслѣ благо Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе Тайному Обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ безплодно для Россіи.

Было положено составить уставъ для Общества, и въ началѣ принимать въ него членовъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ шестерыхъ

насъ. Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Петербурга въ 37-ой егерскій полкъ. Заѣхавъ по пути къ дядѣ, который управлялъ небольшимъ моимъ имѣніемъ въ смоленской губерніи, я ему объявилъ, что желаю освободить своихъ крестьянъ. Въ это время я не очень понималъ ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе — мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ; онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума.

Пріѣхавъ въ Сосницы, гдѣ была штабъ-квартира 37-го егерскаго полка, я узналъ что этотъ полкъ долженъ быть разформированъ и въ кадрахъ идти въ Москву. Фонъ Визинъ совѣтовалъ мнѣ не принимать роты, и обошелся со мной не такъ какъ полковой мой командиръ, но какъ самый любезный товарищъ. Мы были съ нимъ неразлучны цѣлый день и всякой день просиживали вмѣстѣ далеко за полночь; всѣ вопросы, занимавшіе насъ въ Петербургѣ, были столько-же близки ему, какъ и намъ. Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы про-

тиводѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противудѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать на мнѣніе молодежи; что для этого лучшимъ средствомъ учредить Тайное Общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ-бы дѣйствовать съ большею увѣренностью и рѣшимостію. Наконецъ фонъ Визинъ сказалъ мнѣ, что если-бы такое Общество существовало, состоя только изъ 5 человѣкъ, то онъ тотчасъ-бы вступилъ въ него. При этомъ я не могъ воздержаться, чтобы не довѣрить ему осуществленіе Тайнаго Общества въ Петербургѣ и что я принадлежу къ нему. Фонъ Визинъ тутъ-же присоединился къ намъ. Съ первой почтой я извѣстилъ Никиту Муравьева о важномъ пріобрѣтеніи, какое я сдѣлалъ для нашего Общества въ лицѣ полковника фонъ Визина, и надѣялся получить за это отъ нихъ отъ всѣхъ благодарность; но напротивъ получилъ строгій выговоръ за то, что поступилъ противъ условій между нами, въ силу которыхъ никто не имѣлъ права принимать никого въ Тайное Общество безъ предварительнаго на то согласія прочихъ членовъ; и я чувствовалъ, что по всей

справедливости своей опрометчивостью я заслужилъ такой выговоръ.

Въ началѣ 17-го года я пріѣхалъ въ Москву, и скоро послѣ того прибылъ въ кадрахъ 37-ой егерской полкъ, котораго штабъ-квартира была назначена въ Дмитровѣ; не командуя ротой, я жилъ въ Москвѣ и ходилъ во фракѣ въ ожиданіи Сентября, чтобы подать въ отставку, фонъ Визинъ большую часть времени также проживалъ въ Москвѣ и также хотѣлъ оставить службу. Въ это время войска, бывшія во Франціи у графа Воронцова, возвращались въ Россію. Полки апшеронскій и 38 егерскій, привезенные на судахъ, были на смотру у царя въ Петербургѣ. Онъ ужаснулся увидѣвъ, какъ мало люди были выправлены и прогналъ ихъ со смотра. 37-ой егерскій полкъ поступилъ въ 5-ой корпусъ. Командиръ этого корпуса графъ Толстой, дивизіонный командиръ кн. Хованскій и бригадный генералъ Полтарацкій (Константинъ Марковичъ), коротко знакомые съ фонъ Визинымъ уговорили его принять 38 егерской полкъ и его назначили командиромъ этого полка. Прощаясь съ 37-мъ егерскимъ полкомъ фонъ Визинъ прослезился и офицеры и солдаты также плакали. Въ этомъ полку палка была уже выведена изъ употребленія.

Принявъ 39-ой егерскій полкъ, задача для фонъ Визина состояла кромѣ обмундировки, выправка людей на столько, чтобъ полкъ могъ пройти передъ царемъ въ парадѣ, не сбившись съ ноги. Фонъ Визинъ началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей. Вообще въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20,000 р., за то въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-ой егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ фонъ Визину благодарность въ самыхъ лѣстныхъ выраженіяхъ.

Въ концѣ 17-го года вся царская фамилія переѣхала въ Москву и прожила тутъ мѣсяцевъ 9 или 10. Еще въ Августѣ прибылъ въ Москву отдѣльный гвардейскій корпусъ, состоящій изъ первыхъ батальоновъ всѣхъ пѣшихъ и первыхъ эскадроновъ всѣхъ конныхъ полковъ. При корпусѣ была также артиллерія. Командовалъ этимъ отрядомъ генералъ Розенъ, а начальниковъ штаба былъ Александръ Муравьевъ. Вмѣстѣ съ отрядомъ прибыли Никита, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы. Михайлъ Муравьевъ, вступившій уже

въ Общество пріѣхалъ также въ Москву. Въ мое отсутствіе Общество очень распространилось; въ Петербургѣ было принято много членовъ, въ числѣ которыхъ былъ Бурцевъ (послѣ уже генералъ-маіоромъ убитый на Кавказѣ) и Пестель, адъютанты гр. Витгенштейна. Пестель составилъ первый уставъ для нашего Тайнаго Общества. Замѣчательно было въ этомъ уставѣ во-первыхъ то, что на вступающихъ въ Тайное Общество возлагалась обязанность — ни подъ какимъ видомъ не покидать службы, съ тою цѣлью, чтобы со временемъ всѣ служебныя значительныя мѣста по военной и гражданской части были-бы въ распоряженіи Тайнаго Общества; во вторыхъ было сказано, что если царствующій императоръ не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія.

По прибытіи въ Москву, Муравьевы, особенно Михайло, находили уставъ, написанный въ Петербургѣ, неудобнымъ для первоначальныхъ дѣйствій Тайнаго Общества. Было положено приступить къ сочиненію новаго устава и при этомъ руководствоваться печатнымъ нѣмецкимъ уставомъ привезеннымъ княземъ Ильей Долгорукимъ

изъ за границы и служившимъ пруссакамъ для тайнаго соединенія противъ французовъ. Пока изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, было учреждено временное Тайное Общество подъ названіемъ Военнаго. Цѣль его была только распространеніе Общества и соединеніе единомыслящихъ людей. У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль, почиталось уже блаженствомъ, и потому немудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи бывшей тогда въ Москвѣ или поступили въ Военное Общество или по единомыслію сочувствовали членамъ его. Обыкновенно собирались или у фонъ Визина, съ которымъ я тогда жилъ, или въ Хомовникахъ, у Александра Муравьева, въ домѣ, въ которомъ жилъ также начальникъ гвардейскаго отряда генералъ Розенъ. Собранія эти все болѣе и болѣе становились многолюдны, на этихъ совѣщаніяхъ бывали между прочими оба Перовскіе (министръ удѣловъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ), толковали о тѣхъ-же предметахъ, важность которыхъ насъ всѣхъ занимала. Къ прежде бывшимъ присоединилось еще новое зло для Россіи: императоръ Александръ давно замышлявшій воен-

ныя поселенія, приступилъ теперь къ ихъ учрежденію; графу Аракчееву было поручено привести въ исполненіе предначертанія, составленныя самимъ царемъ для устройства военныхъ поселеній. Графъ Аракчеевъ, во всѣхъ случаяхъ гордившійся тѣмъ, что онъ только неизмѣнное орудіе самодержавія, и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ. Въ новгородской губерніи казенные крестьяне тѣхъ волостей, которыя были назначены подъ первыя военныя поселенія, чуя чутьемъ русскаго человѣка для себя бѣду — возмутились. Гр. Аракчеевъ привелъ противъ нихъ кавалерію и артиллерію; по нимъ стрѣляли, ихъ рубили, многихъ прогнали сквозь строй, и бѣдные люди должны были покориться. Послѣ чего было объявленно крестьянамъ, что домы и все имущество болѣе имъ не принадлежатъ, что всѣ они поступаютъ въ солдаты, дѣти ихъ въ кантонисты, что они будутъ исполнять нѣкоторыя обязанности по службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ работать въ полѣ, но не для себя собственно, а въ пользу всего полка, къ которому будутъ приписаны. Имъ тотчасъ-же обрили бороды, надѣли военныя шинели, и росписали по ротамъ и капральствамъ. Извѣстія о новгородскихъ происшествіяхъ привели всѣхъ въ ужасъ. Императоръ Александръ,

въ Европѣ покровитель и почти корифей либераловъ, въ Россіи былъ не только жестокимъ, но что хуже того — безсмысленнымъ деспотомъ.

Разводы, парады и военные смотры были почти его единственныя занятія; заботился-же только о военныхъ поселеніяхъ и устройствѣ большихъ дорогъ по всей Россіи, при чемъ онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни пота, ни крови своихъ подданныхъ. Никогда никто изъ приближенныхъ къ царю, ни даже самъ онъ не могли дать удовлетворительнаго объясненія, что такое военныя поселенія. Такъ, на примѣръ, въ Тульчинѣ за обѣдомъ и бывши въ веселомъ расположеніи духа послѣ очень удачнаго военнаго смотра, императоръ обратился къ генералу Киселеву съ вопросомъ: примиряется-ли онъ наконецъ съ военными поселеніями? Киселевъ отвѣчалъ, что его обязанность вѣрить, что военныя поселенія принесутъ пользу, потому что его императорскому величеству это угодно; но что самъ онъ тутъ рѣшительно ничего не понимаетъ. — "Какъ-же ты не понимаешь, возразилъ императоръ Александръ, что при теперешнемъ порядкѣ всякой разъ, что объявляется рекрутской наборъ, вся Россія плачетъ и рыдаетъ; когда-же окончательно устроятся военныя поселенія — не будетъ рекрутскихъ

наборовъ." Графъ Аракчеевъ, когда у него спрашивали о цѣли военныхъ поселеній, всякій разъ отвѣчалъ, что это не его дѣло и что онъ только исполнитель высочайшей воли. Извѣстно, что военныя поселенія со временемъ должны были составить посередь Россіи полосу съ Сѣвера на Югъ и совмѣстить въ себѣ штабъ-квартиры всѣхъ конныхъ и пѣшихъ полковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ собственными средствами продовольствовать войска, посреди ихъ квартирующія: ужъ это одно было (вѣроятно) предположеніе несбыточное. При окончательномъ устройствѣ военныхъ поселеній, онѣ неминуемо должны были образоваться въ военную касту съ оружіемъ въ рукахъ и неимѣющую ничего общаго съ остальнымъ народонаселеніемъ Россіи. Онѣ уничтожены и подверглись общей участи всякой безмыслицы, даже затѣянной человѣкомъ, облеченнымъ огромнымъ могуществомъ.

Въ 17-мъ году была напечатана по французски конституція Польши. Въ послѣднихъ пунктахъ этой конституціи было сказано: что никакая земля не могла быть отторгнута отъ царства польскаго, но что по усмотрѣнію и волѣ высшей власти могли быть присоединены къ Польшѣ земли, отторгнутыя отъ Россіи, изъ чего слѣдо-

вало заключить, что по волѣ императора часть Россіи могла сдѣлаться Польшей. Все это поселяло ненависть къ императору Александру въ людяхъ, готовыхъ жертвовать собой для блага Россіи.

Въ концѣ 17-го года вся царская фамилія была уже въ Москвѣ и скоро ожидали прибытія императора. Однажды Александръ Муравьевъ, заѣхавъ въ одинъ домъ, гдѣ я обѣдалъ и въ которомъ онъ не былъ знакомъ, велѣлъ меня вызвать и сказалъ съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему вечеромъ. Я явился въ назначенный часъ. Совѣщаніе это было не многолюдно; тутъ были, кромѣ самаго хозяина, Никита, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы, фонъ Визинъ, князь Шаховской и я. Александръ Муравьевъ прочелъ намъ только что полученное письмо отъ Трубецкова, въ которомъ онъ извѣщалъ всѣхъ насъ о петербургскихъ слухахъ; во первыхъ, что царь влюбленъ въ Польшу, и это было всѣмъ извѣстно; на Польшу, которой онъ только что далъ конституцію и которую почиталъ несравненно образованнѣе Россіи, онъ смотрѣлъ, какъ на часть Европы; во-вторыхъ, что онъ ненавидитъ Россію, и это было вѣроятно послѣ всѣхъ его дѣйствій въ Россіи съ 15го года. Въ-треть-

ихъ, что онъ намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить ихъ къ Польшѣ, и это было вѣроятно; наконецъ, что онъ ненавидя и презирая Россію, намѣренъ перенести столицу свою въ Варшаву. Это могло показаться невѣроятнымъ, но послѣ всего невѣроятнаго, совершаемаго русскимъ царемъ въ Россіи, можно было повѣрить и послѣднему извѣстію, особенно при нашемъ въ эту минуту раздраженномъ воображеніи. Александръ Муравьевъ перечиталъ вслухъ еще разъ письмо Трубецкова, потомъ начались толки и сокрушенія о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится Россія подъ управленіемъ императора Александра. Меня проникла дрожь; я ходилъ по комнатѣ и спросилъ у присутствующихъ, точно-ли они вѣрятъ всему сказанному въ письмѣ Трубецкова и тому, что Россія не можетъ быть болѣе несчастна, какъ оставаясь подъ управленіемъ царствующаго императора; всѣ стали меня увѣрять, что то и другое несомнѣнно. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, Тайному Обществу тутъ нечего дѣлать, и теперь каждый изъ насъ долженъ дѣйствовать по собственной совѣсти и по собственному убѣжденію. На минуту всѣ замолчали. Наконецъ Александръ Муравьевъ сказалъ, что для отвращенія бѣдствій,

угрожающихъ Россіи, необходимо прекратить царствованіе императора Александра, и что онъ предлагаетъ бросить между нами жребій, чтобы узнать, кому достанется нанесть ударъ царю. На это я ему отвѣчалъ, что они опоздали, что я рѣшился безъ всякаго жребія принести себя въ жертву и никому не уступлю этой чести. Затѣмъ наступило опять молчаніе. Фонъ Визинъ подошелъ ко мнѣ и просилъ меня успокоиться, увѣряя, что я въ лихорадочномъ состояніи и не долженъ въ такомъ расположеніи духа брать на себя обѣтъ, который завтра-же покажется мнѣ безразсуднымъ. Съ своей стороны я увѣрялъ фонъ Визина, что я совершенно спокоенъ, въ доказательство чего предложилъ ему съиграть въ шахматы и обыгралъ его. Совѣщаніе прекратилось и я съ фонъ Визинымъ уѣхалъ домой. Почти цѣлую ночь онъ не далъ мнѣ спать, безпрестанно уговаривая меня отложить безразсудное мое предпріятіе и со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что онъ не можетъ представить безъ ужаса ту минуту, когда меня выведутъ на эшафотъ. Я увѣрялъ, что не доставлю такого ужаснаго для него зрѣлища. Я рѣшился по прибытіи императора Александра отправиться съ двумя пистолетами къ Успенскому собору, и когда царь

пойдетъ во дворецъ — изъ одного пистолета выстрѣлить въ него, и изъ другаго въ себя. Въ такомъ поступкѣ я видѣлъ не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ.

На другой день фонъ Визинъ, видя, что всѣ его убѣжденія тщетны, отправился въ Хамовники и извѣстилъ живущихъ тамъ членовъ, что я никакъ не хочу отложить намѣреваемаго мной предпріятія. Вечеромъ собрались у фонъ Визина тѣже лица, которые вчера были у Александра Муравьева; начались толки, но совершенно въ противномъ смыслѣ вчерашнимъ толкамъ. Увѣряли меня, что все сказанное въ письмѣ Трубецкова можетъ быть и неправда, что смерть императора Александра въ настоящую минуту не можетъ быть ни на какую пользу для государства и что наконецъ своимъ упорствомъ я гублю не только всѣхъ ихъ, но и Тайное Общество при самомъ его началѣ и которое со временемъ могло бы принести столько пользы для Россіи. Всѣ эти толки и переговоры, длились почти цѣлый вечеръ; наконецъ я далъ имъ обѣщаніе не приступать къ исполненію моего намѣренія и сказалъ имъ, что если все то, чему они такъ рѣшительно вѣрили вчера — не болѣе какъ вздоръ, то вчера они своимъ легкомысліемъ увлекли было меня къ

совершенію самаго великаго преступленія; но что если въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть счастливѣе для Россіи, какъ прекращеніе царствованія императора Александра, то сегодня своей нерѣшительностью и своими требованіями они отнимаютъ у меня возможность совершить самое прекрасное дѣло, и въ заключеніе объявилъ, что я болѣе не принадлежу къ ихъ Тайному Обществу.

Потомъ фонъ Визинъ, Никита Муравьевъ и другіе очень уговаривали меня не покидать Общества, но я рѣшительно сказалъ имъ, что не буду ни на одномъ изъ ихъ совѣщаній. И въ самомъ дѣлѣ всякой разъ, что собирались у фонъ Визина, я куда нибудь уѣзжалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи коротко знакомъ съ главными членами Общества, я всякій день съ ними видѣлся. Они свободно говорили при мнѣ о дѣлахъ своихъ и я зналъ все, что̀ у нихъ дѣлается. Уставъ Союза Благоденствія, извѣстный подъ названіемъ Зеленой Книги, я читалъ при самомъ его появленіи. Главными редакторами были Михаилъ и Никита Муравьевы; въ самомъ началѣ изложенія его было сказано, что члены Тайнаго Общества соединились съ цѣлью противудѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ спосп-

шествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Въ этихъ словахъ была уже на половину ложь, потому что никто изъ насъ не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства. Въ это время число членовъ Тайнаго Общества значительно увеличилось, и многіе изъ нихъ стали при всѣхъ случаяхъ гремѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы: палка, крѣпостное состояніе и проч. Теперь покажется невѣроятнымъ, чтобы вопросы, давно уже порѣшенные между образованными людьми, 38 лѣтъ тому назадъ, были вопросами совершенно новыми, даже для людей почитаемыхъ тогда образованными, т. е. для людей, которые говорили по французски и были нѣсколько знакомы съ французскою словесностью. Въ этомъ дѣлѣ мы рѣшительно были застрѣльщиками или какъ говорятъ французы: пропалыми ребятами (enfants perdus); на каждомъ шагу встрѣчались Скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было непонятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ. Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было

коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство. По мнѣнію тѣхъ-же старовѣровъ ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины.

Въ началѣ 18го года пріѣхалъ въ Москву полковникъ лубенскаго полка Граббе и остановился у фонъ Визина; они вмѣстѣ были адъютантами у Ермолова. Многіе изъ моихъ знакомыхъ выхваляли мнѣ Граббе, какъ человѣка отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ; этого уже было достаточно для меня, чтобы не спѣшить съ нимъ познакомиться; я полагалъ, что онъ можетъ быть человѣкъ проникнутый чувствомъ высокихъ своихъ достоинствъ, а я такого рода отличныхъ людей не очень жаловалъ. Мы прожили съ нимъ нѣсколько дней подъ одной кровлей, не сходясь ни разу. Наконецъ въ одно прекрасное утро онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, когда я еще лежалъ въ постелѣ, и сказалъ, протянувъ мнѣ руку: "я вижу, что вы никакъ, не хотите со мной сой-

тись, такъ знайте-же, что я непремѣнно хочу познакомиться съ вами." Черезъ какой-нибудь часъ мы уже хорошо познакомились другъ съ другомъ. Пока мы ходили разговаривая по комнатѣ, человѣкъ Граббе принесъ его доломанъ и ментикъ. Я спросилъ его, куда онъ собирается въ такомъ облаченіи? Онъ отвѣчалъ, что ему необходимо явится къ гр. Аракчееву. Между тѣмъ мы продолжали ходить и разговоръ попалъ на древнихъ историковъ. Въ это время мы страшно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ-Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе — были у каждаго изъ насъ почти настольными книгами. Граббе тоже любилъ древнихъ. На столѣ у меня лежала книга, изъ которой я прочелъ Граббе нѣсколько писемъ Брута къ Цицерону, въ которыхъ первый, рѣшившійся дѣйствовать противъ Октавія, упрекаетъ послѣдняго въ малодушіи. При этомъ чтеніи Граббе видимо воспламенился и сказалъ своему человѣку, что онъ не поѣдетъ со двора, и мы съ нимъ обѣдали вмѣстѣ: потомъ онъ уже никогда не бывалъ у Аракчеева, не смотря на то, что до него доходили слухи чрезъ приближенныхъ Аракчеева, что графъ на него сердится и повторялъ нѣсколько разъ: Граббе этотъ видно возгордился, что ко мнѣ не ѣдетъ.

Вскорѣ послѣ этого фонъ Визинъ принялъ Граббе въ члены Тайнаго Общества.

Въ 18-мъ году 6-го Января назначенъ былъ всему гвардейскому отряду парадъ въ Кремлѣ. Погода была прегадкая, унтеръ-офицеры на линіяхъ были невѣрно поставлены — парадъ не удался. Царь взбѣсился и посадилъ начальника штаба Александра Муравьева подъ арестъ на главную гаубтвахту. Послѣ чего Александръ Муравьевъ вышелъ въ отставку и женился. Жена его, бывши невѣстой, пѣла съ нимъ Марсельезу, но потомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ съумѣла мужа своего, отчаяннаго либерала, обратить въ отчаяннаго мистика, вслѣдствіе чего онъ отказался отъ Тайнаго Общества и написалъ къ прежнимъ своимъ товарищамъ то посланіе, о которомъ упоминается въ донесеніяхъ комитета; впрочемъ это было уже въ 19-мъ году.

Во время пребыванія императора въ Москвѣ были слухи, что онъ хочетъ освободить крестьянъ, чему можно было вѣрить, тѣмъ болѣе, что онъ освободилъ крестьянъ трехъ остъзейскихъ губерній, правда на такихъ условіяхъ, при которыхъ положеніе освобожденныхъ стало несравненно хуже прежняго. Императоръ Александръ стыдился передъ Европой, что болѣе 10 милліоновъ

его подданныхъ — рабы, но непослѣдовательнымъ своимъ поведеніемъ онъ смущалъ только умы, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Однажды во время прогулки своей по набережной, онъ увидѣлъ нѣсколько крестьянъ на колѣнахъ и у одного изъ нихъ бумагу на головѣ. Онъ принялъ отъ нихъ просьбу, въ которой было сказано, что крестьяне тульской губерніи, работая на фабрикѣ своего помѣщика, не всегда получаютъ заработанную плату. Тотчасъ отправленъ былъ фельдъегерь къ тульскому губернатору Оленину привести это дѣло въ порядокъ. Оленина я зналъ, и онъ самъ разсказывалъ мнѣ про это происшествіе. Онъ отправился въ имѣніе своего пріятеля, приказалъ управляющему расплатиться съ крестьянами; оказалось, что недоимка за конторою была самая незначительная. Тульской губернаторъ донесъ императору, что крестьяне удовлетворены; тѣмъ все и кончилось. Но происшествіе это ужасно смутило помѣщиковъ. Въ тоже почти время безпрестанно доходили слухи объ экзекуціяхъ въ разныхъ губерніяхъ. Въ костромской, въ имѣніи Грибоѣдовой, матери сочинителя "Горе отъ ума," крестьяне выведенные изъ терпѣнія жестокостью управляющаго и поборами выше силъ ихъ, вышли изъ повино-

венія. По именному повелѣнію къ нимъ была поставлена военная экзекуція и предоставлено было костромскому дворянству опредѣлить количество оброка въ костромской губерніи, который былъ-бы неотяготителенъ для крестьянъ. Костромское дворянство, какъ и всякое другое, не будучи врагомъ самому себѣ, донесло, что въ ихъ губерніи 70 рублей съ души можно полагать оброкомъ самымъ умѣреннымъ. На ихъ донесеніе не было ни отъ кого возраженій, тогда, какъ всѣмъ было извѣстно, что въ костромской губерніи ни одно имѣніе не платило такого огромнаго оброка.

Дще въ 15-мъ году императоръ принялся съ страстью за устройство дорогъ и украшеніе городовъ и селеній; но дороги эти такъ были устроены, что въ послѣднее десятилѣтіе его царствованія ни по одной изъ нихъ въ скверную погоду не было проѣзду. Въ 18-мъ году уѣзжая изъ Москвы, онъ назначилъ князя Хованскаго витебскимъ генералъ-губернаторомъ и приказалъ ему отправиться въ Ярославль поучиться у тамошняго губернатора Безобразова, какъ устроивать большія дороги. Императоръ остался очень доволенъ дорогой въ ярославской губерніи, проѣхавши по ней въ самую сухую погоду; но

Хованскому пришлось ѣхать по этой дорогѣ въ проливные дожди, вязнуть во многихъ мѣстахъ; онъ едва дотащился до Ярославля и обратно, а между тѣмъ на устройство этой дороги сошло по 10 рублей съ ревизской души всей ярославской губерніи. Главнокомандующій 1-ой арміей Сакенъ былъ принужденъ оставить свою коляску, не доѣхавъ нѣсколько верстъ до Москвы и торжественно въѣхалъ въ древнюю столицу верхомъ на лошади своего форейтора. Персидскій посланникъ, проѣзжая смоленской губерніей увѣрялъ, что и въ самой Персіи не существуетъ такихъ скверныхъ дорогъ, какъ въ Россіи. Проѣзжая черезъ черниговскую и полтавскую губерніи и бывши недоволенъ большими дорогами въ этомъ краѣ, императоръ объявилъ строгій выговоръ генералъ-губернатору князю Рѣпнину. Рѣпнинъ извинялся тѣмъ, что въ его губерніяхъ неурожай и что онъ почелъ необходимымъ въ этомъ году дать льготу крестьянамъ, не высылая ихъ на большія дороги. — "Что они дома сосутъ, то могутъ сосать и на большихъ дорогахъ" — былъ отвѣтъ императора. Онъ очевидно все болѣе и болѣе ожесточался противъ Россіи. Между тѣмъ устройство большихъ дорогъ, по которымъ не было проѣзда, было повсемѣстно раззорительно

для крестьянъ; ихъ сгоняли и иногда очень издалека на какой-нибудь мѣсяцъ времени. Они должны были глубоко взрыть дорогу по бокамъ, взрытую землю переметать на середину и все утоптать; потомъ выкопать по сторонамъ дороги канавы, обложить ихъ дерномъ, и окончательно посадить въ два ряда березки, которыя впрочемъ очень часто втыкали въ землю безъ корней передъ самымъ проѣздомъ царя. Украшеніе городовъ и селеній состояло въ томъ — что для пріѣзда царя, въ городахъ заставляли хозяевъ съ уличной стороны обивать тесомъ свои лачуги и красили всѣ крыши какъ и чѣмъ попало. Въ селеніяхъ-же городили палисадники изъ мелкаго тына передъ избами, а мѣстами, какъ я видѣлъ это въ тульской губерніи, избы были вымазаны бѣлой глиной, и все это забавляло императора.

Съ отбытіемъ гвардіи въ 18-мъ году еще осталось въ Москвѣ человѣкъ 30, большею частію завербованныхъ Александромъ Муравьевымъ. Бывши въ отставкѣ, мнѣ было необходимо въ томъ-же году побывать въ С.-Петербургѣ. Оба — фонъ. Визинъ и Михаилъ Муравьевъ дали мнѣ письмо къ Никитѣ Муравьеву и поручили переговорить съ нимъ и съ другими о дѣлахъ Общества. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ,

Никита, который въ это время былъ въ отставкѣ и усердно занимался дѣлами Тайнаго Общества, познакомилъ меня въ Пестелемъ. При первомъ-же знакомствѣ мы проспорили съ нимъ часа два. Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкноненно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ то и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіи почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ Тайнаго Общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что Тайное Общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе. На другой день моего пріѣзда въ Петербургъ, Никита сталъ меня уговаривать, чтобы я присоединился опять къ Тайному Обществу, доказывая мнѣ, что теперь не существуетъ болѣе причины, меня отъ нихъ удалившей, что въ Уставѣ Союза Благоденствія совершенно опредѣленъ мѣрный ходъ общества, прибавивъ, что Пестелъ и другіе находятъ оченъ страннымъ, что я привожу порученія отъ московскихъ членовъ и знаю все что̀ дѣлается въ Тайномъ Обществѣ, не принадлежавъ къ нему. Послѣ та-

кихъ доводовъ, мнѣ оставалось только согласиться на предложеніе Никиты, и я подписалъ записку, не читая ее; я зналъ, что она будетъ сожжена. Послѣ этого я былъ приглашенъ на совѣщаніе. Князь Лопухинъ, впослѣдствіи начальникъ уланской дивизіи при гренадерскомъ корпусѣ, Петръ Колошинъ, князь Шаховской и многіе другіе собрались у Никиты. Сама формальность этого совѣщанія давала ему видъ плохой комедіи. Въ Москвѣ когда собирались члены Военнаго Общества, они собирались для того, чтобы познакомиться и сблизиться другъ съ другомъ; всякой говорилъ свободно о предметахъ, занимавшихъ всѣхъ и каждаго изъ нихъ. Тутъ-же въ продолженіи всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступающихъ въ Союзъ Благоденствія, и о томъ, какъ приносить самую присягу. — надъ Евангеліемъ или надъ шпагой вступающіе должны присягать. Все это было до крайности смѣшно. Но Лопухинъ, Шаховской и почти всѣ присутствующіе были ревностные масоны; они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія.

Менѣе нежели въ два года своего существованія Союзъ Благоденствія достигъ полнаго своего развитія, и едва-ли 18й и 19й годъ не были самымъ цвѣтущимъ его временемъ. Число членовъ значительно увеличилось; многіе изъ принадлежавшихъ Военному Обществу поступили въ Союзъ Благоденствія; въ томъ числѣ оба Перовскихъ; поступили въ него также князь Бибиковъ, теперешній литовскій генералъ-губернаторъ, и Кавелинъ, бывшій с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ. Во всѣхъ полкахъ было много молодежи, принадлежащей къ Тайному Обществу. Бурцевъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Тульчинъ, принялъ Пущина, Оболенскаго, Нарышкина, Лорера и многихъ другихъ. Въ это время, главные члены Союза Благоденствія вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно. Въ семеновскомъ полку палка почти совсѣмъ уже была выведена изъ употребленія: въ другихъ полкахъ ротные командиры нашли возможность безъ нея обходиться. Про жестокости, какія бывали прежде, слышно было очень рѣдко. Прежде похода за границу въ семеновскомъ полку, въ которомъ кругъ офи-

церовъ почитался тогда лучшимъ во всей гвардіи, когда собирались нѣкоторые изъ баталліонныхъ и ротныхъ командировъ, между ними бывали пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ по немногу — но часто, или рѣдко — но мѣтко, и я очень помню, что командиръ 2-го баталліона баронъ Далласъ, впослѣдствіи бывшій во Франціи при Карлѣ X министротъ иностранныхъ дѣлъ, былъ такого мнѣнія, что должно наказывать рѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не давать солдату менѣе 200 палокъ, и надо замѣтить, что такія жестокія наказанія употреблялись не за одно дурное поведеніе, но иногда за самый ничтожный проступокъ по службѣ и даже за какой-нибудь промахъ во фрунтѣ. Многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе; ужъ недовольствовались, какъ прежде, разсказами о выходахъ во дворцѣ и разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, что вокругъ ихъ дѣлалось.

Въ 19-мъ году, поѣхавъ изъ Москвы повидаться съ своими, я заѣхалъ въ смоленское свое имѣніе. Крестьяне собравшись стали просить меня,

что такъ какъ я не служу и ничего не дѣлаю, то мнѣ бы пріѣхать пожить съ ними, и увѣряли, что я буду имъ уже тѣмъ полезенъ, что при мнѣ будутъ менѣе притѣснять ихъ. Я убѣдился, что въ словахъ ихъ много правды и переѣхалъ на житье въ деревню. Сосѣди тотчасъ прислали поздравить съ пріѣздомъ, обѣщая каждый скоро посѣтить меня; но я черезъ посланныхъ ихъ просилъ передъ ними извиненія, что теперь никого изъ нихъ не могу принять. Меня оставили въ покоѣ, но разумѣется смотрѣли на меня, какъ на чудака. Первымъ моимъ распоряженіемъ было уменьшить на половину господскую запашку. Имѣніе было на барщинѣ, и крестьяне были далеко не въ удовлетворительномъ положеніи; многіе поборы, отяготительные для нихъ и приносившіе мало пользы помѣщику, были отмѣнены. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Жуково, я пришелъ въ столкновеніе съ земской полиціей. Мнѣ пришли сказать, что въ рѣчкѣ, текущей по моей землѣ и очень вздувшейся отъ дождей, утонулъ человѣкъ. Я въ тотъ-же день велѣлъ послать донесеніе о происшествіи въ вяземскій земскій судъ и приставить караулъ къ утопленнику. Прошло дня три или четыре, земскій судъ не сдѣлалъ никакого распоряженія по этому дѣлу.

Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы фонъ Визинъ; мы пошли съ нимъ гулять вдоль рѣки и были поражены зрѣлищемъ истинно ужаснымъ. Утопшій, привязанный за ногу къ колу, вбитому въ берегъ, плавалъ на водѣ; кожа на его лицѣ и рукахъ походила на мокрую сыромятину. Это было въ Іюнѣ и смрадъ отъ мертваго тѣла далеко распространялся. Кромѣ караульнаго на берегу сидѣли старикъ и молодая женщина. Старикъ былъ отецъ, женщина — жена утопшаго; оба они горько плакали и, увидѣвъ меня, бросились въ ноги, прося позволенія похоронить покойника. И фонъ Визинъ и я, мы были сильно взволнованы. Я приказалъ вытащить усопшаго изъ воды и взваливъ на тѣлегу отвести къ его помѣщику Барышникову, живущему верстъ 10 отъ меня. Я написалъ къ нему, что послѣ моего донесенія въ земской судъ о найденномъ утепленникѣ у меня въ рѣкѣ, не видя со стороны суда никакого распоряженія по этому дѣлѣ и опасаясь, чтобы мертвое тѣло, которое начало уже разлагаться — не причинило заразы, я рѣшился отправить его къ нему, съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ его похоронить. Барышниковъ весьма богатый помѣщикъ перепугался и первоначально, безъ распоряженія земскаго суда, не хотѣлъ при-

нимать утопшаго своего крестьянина, даже хотѣлъ отослать его назадъ на мѣсто, гдѣ онъ былъ найденъ; но потомъ опасаясь отвѣтственности, если мертвое тѣло, оставаясь долгое время не похороненнымъ, причинитъ заразу, какъ я писалъ ему, велѣлъ наконецъ похоронить его. Я извѣстилъ земскій судъ о моемъ распоряженіи въ его отсутствіи; написалъ о томъ-же смоленскому губернатору барону Ашу, пояснивъ ему почему я такъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ. Баронъ Ашъ, не пропускавшій никакого случая, гдѣ можно было потеребить чиновниковъ, избираемыхъ дворянствомъ, написалъ строгій выговоръ въ вяземскій земскій судъ.

Чтобы сблизиться, сколько возможно скорѣе съ моими крестьянами, я всѣхъ ихъ и во всякой часъ допускалъ до себя и по возможности удовлетворялъ ихъ требованія; скоро отучилъ я ихъ кланяться мнѣ въ ноги и стоять передо-мной безъ шапки, когда я самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они не иначе наказывались, какъ по приговору всѣхъ домохозяевъ. Почва вообще въ смоленской губерніи, не плодотворна; при недостаткѣ скота, мои крестьяне не могли достаточно удобрять своихъ полей. Обыкновенные урожаи бывали очень скудны, такъ что соби-

раемаго хлѣба едва доставало крестьянамъ на продовольствіе и посѣвъ. Единственные ихъ промыслы были зимою: извозъ и добываніе извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. Съ этими средствами они конечно, не ходили по міру, но и нельзя было надѣяться этими средствами, улучшить ихъ состояніе, тѣмъ болѣе, что привыкнувъ терпѣть нужду и не имѣя надежды когда-нибудь съ нею разстаться, они говорили, что всей работы никогда не переработаешь и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая силъ своихъ. Надо было придумать способъ возбудить въ нихъ дѣятельность и поставить ихъ въ необходимость прилежно трудиться. Способъ этотъ по тогдашнимъ моимъ понятіямъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего поставить ихъ въ совершенно независимое положеніе отъ помѣщика, и я написалъ прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, Козодавлеву, въ которомъ изъявилъ желаніе освободить своихъ крестьянъ и изложилъ условія, на которыхъ желаю освободить ихъ. Я предоставлялъ въ совершенное и полное владѣніе моимъ крестьянамъ ихъ домы, скотъ, лошадей и все ихъ имущество. Усадьбы и выгоны въ томъ самомъ видѣ, какъ они находились тогда, оставались при-

надлежностію тѣхъ-же деревень. За все за это я не требовалъ отъ крестьянъ моихъ никакого возмездія. Остальную же всю землю, я оставлялъ за собой, предполагая половину обработывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать въ наемъ своимъ крестьянамъ. Молодое-же поколѣніе, мнѣ казалось, необходимо было прежде всего сколько-нибудь осмѣлить и потомъ доставить имъ болѣе вѣрныя средства добывать пропитаніе, нежели какія до сихъ моръ имѣли отцы ихъ. Для этого я на первый разъ взялъ къ себѣ 12 мальчиковъ и самъ сталъ учить ихъ грамотѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ раздать ихъ въ Москвѣ въ ученіе разнымъ мастерствамъ. Но наборъ мальчиковъ совершился не совсѣмъ съ добровольнаго согласія крестьянъ; они сперва были увѣрены, что я беру ихъ дѣтей къ себѣ въ дворовые, и тѣмъ болѣе это могло имъ казаться вѣроятнымъ, что вся моя дворня состояла изъ одного человѣка, который былъ со мною въ походѣ, и наемнаго отставнаго унтеръ-офицера. Скоро однако-жъ отцы и матери успокоились за своихъ дѣтей, видя, что они учатся грамотѣ, всегда веселы и ходятъ въ синихъ рубашкахъ. Въ это время заѣхалъ ко мнѣ мой сосѣдъ Лимохинъ, чтобы поговорить объ устройствѣ мель-

ницы на рѣкѣ, раздѣляющей наши владѣнія. Не видя у меня никакой прислуги и замѣтя стоявшихъ вдали мальчиковъ, онъ спросилъ: "что они тутъ дѣлаютъ?" Я отвѣчалъ, что они учатся у меня грамотѣ. "И прекрасно, возразилъ онъ, поучите ихъ пѣть и музыкѣ, и вы продавши ихъ выручите хорошія деньги." Такія понятія моего сосѣда, сами по себѣ отвратительныя, между тогдашними помѣщиками были не диковинка. Въ нашемъ семействѣ былъ тогда примѣръ. Покойный дядя мой, послѣ котораго досталось мнѣ Жуково, былъ моимъ опекуномъ; при небольшомъ состояніи были у него разныя полубарскія затѣи, въ томъ числѣ: музыка и пѣвчіе. Въ то время, когда я былъ за границей, сблизившись въ Орлѣ съ графомъ Каменскимъ, сыномъ фельдмаршала, онъ ему продалъ 20 музыкантовъ изъ своего оркестра за 40,000; въ числѣ этихъ музыкантовъ были два человѣка, принадлежавшіе мнѣ. Когда я былъ въ 14-мъ году въ Орлѣ и въ первый разъ увидѣлся съ Каменскимъ, графъ очень любезно сказалъ мнѣ: что "онъ мой должникъ, что онъ заплатитъ мнѣ 4,000 за моихъ людей и просилъ безъ замедленія совершить на нихъ купчую". Я отвѣчалъ его сіятельству, что онъ мнѣ ничего не долженъ, потому что людей моихъ ни

за что и никому я не продамъ. На другой день оба они получили отъ меня отпускную.

Мальчики мои по немногу начинали читать и писать, что очень забавляло ихъ родителей. Желая привести въ совершенную извѣстность всю мою дачу, я каждый день съ моими учениками ходилъ на съемку; они таскали за мной всѣ нужныя для этого принадлежности; скоро научились они таскать цѣпь и ставить колья по прямому направленію. Я показывалъ имъ какъ наводить діоптръ и насѣкать углы на планшетѣ: все это ихъ очень забавляло и они съ каждымъ днемъ становились смышленнѣй.

Наконецъ вяземскій дворянскій предводитель, получилъ предписаніе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, потребовать отъ меня показаніе, на какихъ условіяхъ я хочу сдѣлать своихъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами, и означить, сколько передаю я земли каждому изъ нихъ; потомъ допросить крестьянъ моихъ, согласны-ли они поступить въ вольные хлѣбопашцы на предлагаемыхъ мною условіяхъ, словомъ поступить совершенно по учрежденію для крестьянъ, поступающихъ въ вольные хлѣбопашцы, обнародованному въ 1805 году Февраля 20. Изъ этого было очевидно, что въ министерствѣ не обратили ни

малѣйшаго вниманія на смыслъ моей просьбы. Оставалось только мнѣ ѣхать самому въ Петербургъ и изустно объясниться съ министромъ, но прежде мнѣ хотѣлось знать, оцѣнятъ-ли мои крестьяне выгоду для себя условій, на которыхъ я предполагалъ освободить ихъ. Я собралъ ихъ и долго съ ними толковалъ; они слушали меня со вниманіемъ, и наконецъ спросили: "земля, которою мы теперь владѣемъ, будетъ принадлежать намъ или нѣтъ?" Я имъ отвѣчалъ, что земля будетъ принадлежать мнѣ, но что они будутъ властны ее нанимать у меня. — "Ну такъ батюшка, оставайся все по старому; мы ваши, а земля наша". Напрасно я старался имъ объяснить всю выгоду независимости, которую имъ доставитъ освобожденіе. Русской крестьянинъ не допускаетъ возможности, чтобъ у него не было хоть клока земли, которую онъ пахалъ-бы для себя собственно. Надѣясь, что мои крестьяне со временемъ примирятся съ условіями, на которыхъ я предположилъ освободить ихъ въ началѣ 20 года, я отправился въ Петербургъ.

Въ два года моего отсутствія число членовъ Союза Благоденствія очень возросло; правда, что многіе изъ прежнихъ членовъ охладѣли, почти совсѣмъ отдалились отъ Общества; за то другіе

жаловались, что Тайное Общество ничего не дѣлаетъ. По ихъ понятіямъ создать въ Петербургѣ общественное мнѣніе и руководить имъ, была вещь ничтожная; имъ хотѣлось-бы отъ Общества теперь уже болѣе рѣшительныхъ, приго товительныхъ мѣръ, для будущихъ дѣйствій. Словомъ, Союзъ Благоденствія въ прежнемъ своемъ видѣ болѣе уже не существовалъ. По нѣскольку разъ въ недѣлю собирались члены Тайнаго Общества къ Никитѣ Муравьеву. Въ это время я познакомился со многими изъ нихъ, самые изъ нихъ значительные и ревностные по дѣлу Общества, кромѣ Никиты и Николая Тургенева, Ѳ. Н. Глинка, два брата Шиповы, (старшій впослѣдствіи командиръ новосеменовскаго полка), графъ Толстой — извѣстный нашъ медальеръ, Ид. Долгорукій и многіе другіе. Вмѣстѣ съ Никитою мы заѣзжали къ Ил. Долгорукому, который былъ боленъ и не выходилъ изъ комнаты. Онъ былъ блюстителемъ Союза Благоденствія. Служа при Аракчеевѣ и имѣя возможность знать многія тайныя распоряженія правительства и извѣщать о нихъ своихъ товарищей, онъ тѣмъ самымъ былъ полезенъ Тайному Обществу. Въ это время вообще онъ служилъ ему усердно. Во всѣхъ членахъ Союза Благоденствія проявлялось какое-

то ожесточеніе противъ царствующаго императора; и въ самомъ дѣлѣ онъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и все болѣе и болѣе отчуждался отъ Россіи. Графъ Аракчеевъ уже явно управлялъ государствомъ. Члены государственнаго совѣта и министры относились къ нему по повелѣнію императора въ большей части случаевъ, гдѣ требовалось высочайшее разрѣшеніе. Аракчеевъ жилъ иногда въ своемъ знаменитомъ Грузинѣ, въ новгородской губерніи, и члены совѣта, и министры и всѣ сановники отправлялись къ нему туда.

По дѣлу объ освобожденіи моихъ крестьянъ я обратился къ Николаю Тургеневу; онъ далъ мнѣ письмо къ Джуньковскому, директору департамента, въ которомъ было мое дѣло. Джуньковскій принялъ меня въ департаментѣ и толковалъ со мной часа два, сначала было съ важностію пожилаго человѣка, который много видѣлъ и много знаетъ и потому имѣетъ право читать поученіе молодому, неопытному человѣку; но потомъ онъ изъ словъ моихъ убѣдился, что условія, на которыхъ я предполагалъ освободить крестьянъ моихъ, не были мнѣ внушены какой-нибудь мимолетной мыслью, но были мной совершенно обдуманы. Я спросилъ у Джуньковскаго

— много-ли съ 1805 года освобождено крестьянъ по учрежденію о вольныхъ хлѣбопашцахъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ 30,000, въ томъ числѣ 20,000 князя Голицына, извѣстнаго мота въ Москвѣ, проигравшаго жену свою графу Разумовскому. Крестьяне Голицына откупились, заплативъ долги его. Незначительное это число освободившихся крестьянъ, въ продолженіи какихъ-нибудь 15 лѣтъ, было лучшимъ доказательствомъ, что на существующее учрежденіе о вольныхъ хлѣбопашцахъ нельзя было расчитывать, какъ на средство для уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Джуньковскій бывалъ за границей, имѣлъ воззрѣніе человѣка европейскаго и потому освобожденіе крестьянъ, которымъ не предоставлялось земли въ собственность, нисколько не возмущало его. Наконецъ онъ пожавъ мнѣ руку, сказалъ, что въ предлагаемомъ мной способѣ освобожденія много есть дѣльнаго, но что теперешній министръ графъ Кочубей въ этомъ случаѣ не согласится отступить на волосъ отъ учрежденій 1805 года, составленныхъ имъ самимъ во время перваго его министерства. Но я все-таки хотѣлъ увидѣться съ министромъ, хотя и мало надѣялся чтобъ чрезъ свиданіе съ ниъ дѣло мое кончилось успѣшно. Въ продолженіи цѣлой недѣли я

ходилъ ежедневно къ министру и никакъ не могъ добиться его лицезрѣнія; наконецъ я забрался къ нему съ утра и рѣшился дожидаться, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета. Напрасно дежурный чиновникъ увѣрялъ меня, что сегодня графъ никого не принимаетъ; я остался неподвижнымъ на своемъ стулѣ. Въ этотъ день министръ занимался съ своими директорами проэктомъ объ измѣненіи формы мундира для его министерства. Часа въ три по полудни дверь кабинета растворилась, и министръ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: что вамъ угодно? — Я вкратцѣ объяснилъ ему мое дѣло. Между прочими возраженіями, онъ сказалъ мнѣ: "я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности вашихъ намѣреній; но если допустить способъ, вами предлагаемый, то другіе могутъ воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ обязанности относительно своихъ крестьянъ". На это я осмѣлился замѣтить его сіятельству, что это не совсѣмъ правдоподобно, по той причинѣ, что каждый помѣщикъ имѣетъ возможность очень выгодно избавиться отъ своихъ крестьянъ, продавши ихъ на выводъ. Окончательно министръ сказалъ мнѣ: "впрочемъ дѣло ваше въ нашихъ рукахъ и мы дадимъ ему надлежащій ходъ". И такъ хлопоты мои въ Пе-

тербургѣ по освобожденію крестьянъ кончились ничѣмъ. Въ это время, вообще въ Петербургѣ много толковали о крѣпостномъ состояніи. Даже въ государственномъ совѣтѣ разсуждали о непристойности, съ какою продаются люди въ Россіи. Вслѣдствіе чего объявленіе въ газетахъ о продажѣ людей замѣнилось другимъ; прежде печаталось прямо: такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка продаются. Теперь стали печатать: такой-то крѣпостной человѣкъ, или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, что значило, что тотъ и другая продавались.

На возвратномъ пути я прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ съ фонъ Визинымъ и Граббе; послѣдній былъ переведенъ съ своимъ лубенскимъ полкомъ въ мое сосѣдство въ Дорогобужъ. Фонъ Визинъ былъ произведенъ въ генералы. Лѣтомъ въ 19-мъ году онъ перешелъ съ своимъ 38-мъ егерскимъ полкомъ во 2-ую армію, для того, чтобы No. 38 соединить съ No. 37-мъ. Въ этомъ году всѣ егерскіе полки были въ движеніи.

Фонъ Визинъ, ѣхавши во 2-ую армію сдавать полкъ, заѣхалъ ко мнѣ въ Жуково; отъ меня мы поѣхали въ Граббе въ Дорогобужъ и познакомились съ отставнымъ генераломъ Пассекомъ, ко-

торый пригласилъ насъ въ свое имѣніе недалеко отъ Ельни. Онъ недавно возвратился изъ за границы и жестоко порицалъ всѣ мерзости, встрѣчавшіяся на всякомъ шагу въ Россіи, въ томъ числѣ и крѣпостное состояніе. Имѣніе его было прекрасно устроено, и съ своими крестьянами онъ обходился человѣколюбиво, но ему все-таки хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать за границу.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга существованіе мое въ Жуковѣ стало какъ-то мрачно. Я уже не имѣлъ надежды освободить моихъ крестьянъ на тѣхъ условіяхъ, которыя тогда казались мнѣ наиболѣе удобными для общаго освобожденія крестьянъ въ Россіи. Впрочемъ, вскорѣ потомъ я убѣдился, что освобождать крестьянъ, не предоставивъ въ ихъ владѣніе достаточнаго количества земли, было-бы только въ половину обезпечить ихъ независимость. Распредѣленіе поземельной собственности между крестьянами и общинное владѣніе ею составляютъ у насъ основныя начала, изъ которыхъ со временемъ должно развиться все гражданское устройство нашего государства. Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, либералы того времени болѣе всего желали уничтоженіи крѣпостнаго состояніи и, при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ

предметъ, были увѣрены, что человѣкъ никому лично непринадлежащій уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь и потому возникшіе вопросы по этому предмету уже впослѣдствіи — тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благомыслящихъ людей. Крѣпостное-же состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями. Безпрестанно доходили до меня слухи о неистовыхъ поступкахъ помѣщиковъ, моихъ сосѣдей. Ближайшій изъ нихъ — Жигаловъ, имѣвшій всего 60 душъ, разъѣзжалъ въ коляскѣ и имѣлъ огромную стаю гончихъ и борзыхъ собакъ; за то крестьяне его умирали почти съ голоду, и часто, ушедши тайкомъ съ полевой работы, приходили ко мнѣ и моимъ крестьянамъ просить милостыню. Однажды къ этому Жигалову пріѣхалъ Лимохинъ и проигралъ ему въ карты свою коляску, четверню лошадей и бывшихъ съ нимъ кучера, форейтора и лакея; стали играть на горничную дѣвку и Лимохинъ отыгрался. Въ имѣніи Анненкова, верстахъ въ 3-хъ отъ меня, управляющій придумывалъ ежегодно какой-нибудь новый способъ вымогатель-

ства съ крестьянъ. Однажды онъ объявилъ имъ, что барыня ихъ, живущая въ курскомъ своемъ имѣніи, приказала прислать къ себѣ нѣсколько взрослыхъ дѣвокъ для обученія ихъ коверному искуству; разумѣется крестьяне, чтобы откупиться отъ такого налога, заплатили все, что только могли заплатить. У богача Барышникова, при полевыхъ работахъ, разъѣзжали управитель, бурмистръ и старосты и поощряли народъ къ дѣятельности плетью. Проѣзжая однажды зимою по гословскому уѣзду, я заѣхалъ на постоялый дворъ. Изба была набита народомъ, совершенно оборваннымъ, иные даже не имѣли ни рукавицъ, ни шапки! Ихъ было болѣе 100 человѣкъ и они шли на винокуренный заводъ, отстоящій верстъ 150 отъ мѣста ихъ жительства. Помѣщикъ, которому они принадлежали, Фонтонъ де Вараіонъ отдалъ ихъ на всю зиму въ работу на заводъ и получилъ за это впередъ условленную плату. Сверхъ того помѣщикъ которому принадлежалъ заводъ, обязался прокормить крестьянъ Фонтона въ продолженіи зимы. Такаго рода сдѣлки были очень обыкновенны. Во время построенія нижегородской ярмарки, принцъ Александръ виртембергскій, отправилъ туда въ работу изъ витебской губерніи множество своихъ нищихъ кресть-

янъ, неплатившихъ ему оброка. Партія этихъ людей сотнями и въ самомъ жалкомъ положеніи проходила мимо Жукова. Все это вмѣстѣ было нисколько неутѣшительно. Къ тому-же не было дня, въ тоторомъ я бы могъ быть увѣренъ, что у меня не случится столкновенія съ земской полиціей. Ежегодно требовались люди на большія дороги на какой-нибудь мѣсяцъ, а иногда на два; они тамъ оставались въ совершенномъ распоряженіи засѣдателя и всякой разъ надо было хлопотать, чтобы онъ не оставилъ тамъ людей долѣе, чѣмъ это было нужно. Очень часто требовались подводы подъ проходившія венныя команды. Въ первый разъ я приказалъ подводчикамъ не давать квитанцій засѣдателю, не получивъ отъ него слѣдуемыхъ прогоновъ; люди мои пробыли 5 дней въ отлучкѣ и возвратились не получивъ ни копѣйки. Такъ какъ пригнано было подводъ несравненно болѣе нежели требовалось, то засѣдатель, продержавъ людей моихъ три дня, отпустилъ ни съ чѣмъ. Требовались также иногда лошади на станціи большихъ дорогъ подъ проѣздъ значительныхъ лицъ. Ежели въ предписаніи министра велѣно выставить 20 лошадей, то въ предписаніи генералъ-губернатвка требовалось 30, въ предписаніи губернатора 40, а земскій судъ

требовалъ уже 60 лошадей. Кончалось тѣмъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я совсѣмъ не исполнялъ предписаній земской полиціи, очень зная, что тѣмъ самымъ на каждомъ шагу подвергался отвѣтственности передъ начальствомъ.

Фонъ Визинъ въ 20-мъ году, возвращаясь изъ Одессы въ Москву, извѣстилъ меня, что онъ заѣдетъ къ Левашевымъ верстъ за 200 отъ меня, и будетъ у нихъ меня дожидаться. Я пріѣхалъ въ назначенный срокъ къ Левашевымъ. Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ нарочный изъ Жукова съ извѣстіемъ, что тамъ полевыя работы прекращены и всѣ крестьяне въ ужасной тревогѣ. Во время моего отсутствія, земскій засѣдатель, проѣзжая черезъ Жуково и узнавши отъ старосты, который говорилъ съ нимъ въ шляпѣ, что меня нѣтъ дома и что я не скоро возвращусь, бросился на старосту и избилъ его до полусмерти, потомъ отправился къ работавшимъ въ полѣ крестьянамъ и подъ предлогомъ, что за ними есть недоимочный рекрутъ, старался схватить кого-нибудь изъ нихъ. Засѣдатель увязался за однимъ молодымъ парнемъ, схватилъ его и увезъ въ Вязьму. За мной не бывало никакой недоимки, и въ послѣдній наборъ я представилъ рекрутскую квитанцію за моихъ крестьянъ. Происшествіе

въ Жуковѣ всѣхъ насъ чрезвычайно потревожило и я тотчасъ-же вмѣстѣ съ фонъ Визинымъ отправился въ Смоленскъ. Фонъ Визинъ былъ знакомъ съ губернаторомъ барономъ Ашемъ, объяснилъ ему все дѣло и баронъ Ашъ приказалъ крестьянина моего отпустить домой, а засѣдателя надѣлавшаго столько тревоги, отдать подъ судъ.

Фонъ Визинъ проводилъ меня до Жукова. Тутъ народъ былъ въ отчаянномъ положеніи и почти не работалъ. Все это вмѣстѣ меня ужасно смутило и я совершенно растерялся. Чтобы за одинъ разъ прекратить всѣ безпорядки въ Россіи, я придумалъ средство, которое въ эту минуту казалось мнѣ вдохновеніемъ, а въ самой сущности оно было чистой сумбуръ. Ночью, пока фонъ Визинъ спалъ, я написалъ адрессъ къ императору, который должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія. Въ этомъ адрессѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы предлагали императору созвать Земскую Думу по примѣру своихъ предковъ. Поутру я прочиталъ свое сочиненіе фонъ Визину и и онъ, бывъ подъ однимъ настроеніемъ духа со мной, согласился подписать адрессъ. Въ тотъ-же день мы съ нимъ отправились въ Дорогобужъ къ Граббе. Къ счастю Граббе былъ благоразумнѣе

насъ обоихъ; не отказываясь вмѣстѣ съ другими подписать адрессъ, онъ намъ ясно доказалъ, что этимъ поступкомъ за одинъ разъ уничтожалось Тайное Общество, и что это все вело насъ прямо въ крѣпость. Бумага мной написанная была уничтожена. Послѣ чего долго мы разсуждали о горестномъ положенія Россіи и средствахъ, которыя-бы могли спасти ее. Союзъ Благоденствія казалось намъ дремалъ. По собственному своему образованію, онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ 1 Января 21-го года пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣла Тайнаго Общества и пріискали средства для большей его дѣятельности. Фонъ Визинъ съ братомъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, мнѣ-же пришлось ѣхать въ Тульчинъ. Фонъ Визинъ, не задолго передъ тѣмъ бывши въ Тульчинѣ, познакомился со всѣми тамошними членами и далъ мнѣ письма къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Онъ мнѣ далъ также письмо въ Кишеневъ къ Михаилу Орлову. Въ Дорогобужкѣ я добылъ себѣ кое-какъ подорожную и пустился въ путь. Пріѣхавъ въ Тульчинъ, я тотчасъ явился къ Бурцову; отъ жида, у котораго я остановился, онъ перетащилъ меня

къ себѣ; въ тотъ-же день я побывалъ у Пестеля и у Юшневскаго; послѣдняго фонъ Визинъ превозносилъ какъ человѣка огромнаго ума. Тутъ случилось какъ случается не рѣдко, что одни добрыя качества принимаютъ за другія. Юшневскій, генералъ интендантъ 2-ой арміи, былъ отлично добрый человѣкъ и честности рѣдкой, но ума довольно ограниченнаго. Съ перваго раза онъ поразилъ меня своими пошлостями. Чтобы пребываніемъ моимъ въ Тульчинѣ не подать подозрѣнія властямъ, я ни у кого не бывалъ кромѣ Пестеля, съ которымъ былъ знакомъ прежде, и у Юшневскаго, къ которому привезъ письмо отъ фонъ Визина; но я скоро пазнакомился съ тульчинской молодежью; во время моего пребыванія въ Тульчинѣ всѣ почти члены перебывали у Бурцева. Въ Тульчинѣ члены Тайнаго Общества, не опасаясь никакого особеннаго надъ собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собой и тѣмъ самымъ не давали ослабѣвать другъ другу. Впрочемъ было достаточно уже одного Пестея, чтобы безпрестанно одушевлять всѣхъ тульчинскихъ членовъ, между которыми въ это время было что-то похоже на двѣ партіи: умѣренные, подъ вліяніемъ Бурцева и, какъ говорили, крайніе, подъ руководствомъ Пе-

стеля. Но эти партіи были только мнимыя. Бурцевъ, бывши увѣренъ въ превосходствѣ личныхъ своихъ достоинствъ, не могъ не чувствовать на каждомъ шагу превосходства Пестеля надъ собой и потому всѣми силами старался составить противъ него оппозицію. Однако это не мѣшало ему по наружности оставаться въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Пестелемъ. Киселевъ, какъ умный чековѣкъ и умѣющій цѣнить людей, не могъ не уважать всю эту молодежь и многихъ изъ нихъ любилъ, какъ людей приближенныхъ къ себѣ. Всѣхъ ихъ онъ принималъ у себя очень ласково и, кромѣ какъ по службѣ, никогда не былъ съ ними начальникомъ. Иногда у него за обѣдомъ при общемъ разговорѣ возникали политическіе вопросы и, если при этомъ Киселевъ понималъ что-нибудь криво, ему со всѣхъ сторонъ возражали дѣльно и онъ всякій разъ принужденъ былъ согласиться съ своими себесѣдниками. Послѣ этого не трудно себѣ представить какое вліяніе имѣли тульчинскіе члены во всей 2-ой арміи. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Киселевъ зналъ о существованіи Тайнаго Общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Впослѣдствіи, когда попалъ подъ судъ капитанъ Раевскій, завѣдывавшій школою взаимнаго обученія въ диви-

зіи Михаила Орлова, и генералъ Сабанѣевъ отправилъ, при донесеніи, найденный у Раевскаго списокъ всѣмъ тульчинскимъ членамъ, они ожидали очень дурныхъ для себя послѣдствій по этому дѣлу. Киселевъ призвалъ къ себѣ Бурцева, который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подалъ ему бумагу и приказалъ тотчасъ же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ очень былъ удивленъ, нашедши между листами данной ему бумаги списокъ тульчинскихъ членовъ, писанный Раевскимъ и присланный Сабанѣевымъ отдѣльно; Бурцевъ сжегъ списокъ, и тѣмъ кончилось дѣло.

Въ это время Пестель замышлялъ республику въ Россіи, писалъ свою *Русскую Правду*. Онъ мнѣ читалъ изъ нея отрывокъ и сколько помнится объ устройствѣ волостей и селеній. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть въ Русской Правдѣ будущую конституцію Россіи. Своимъ сочиненіемъ онъ только приготовлялся, какъ онъ самъ говорилъ, правильно дѣйствовать въ Земской Думѣ и знать, когда прійдется что̀ о чемъ говорить. Нѣкоторые отрывки изъ Русской Правды онъ читалъ Киселеву, который ему однажды замѣтилъ, что царю своему онъ предоставляетъ уже слишкомъ много власти. Подъ

словомъ царя Пестель разумѣлъ исполнительную власть.

Наконецъ было назначено совѣщаніе у Пестеля, на которомъ я долженъ былъ объявить всѣмъ присутствующимъ о причинѣ моего прибытія въ Тульчинъ. Бурцевъ увѣрялъ меня, что если Пестель поѣдетъ въ Москву, то онъ своими рѣзкими мнѣніями и своимъ упорстромъ испортитъ тамъ все дѣло и просилъ меня никакъ не приглашать Пестеля въ Москву. На совѣщаніи я предложилъ тульчинскимъ членамъ послать отъ себя довѣренныхъ въ Москву, которые тамъ занялись бы вмѣстѣ съ другими опредѣленіемъ всѣхъ нужныхъ измѣненій въ уставѣ Союза Благоденствія, а можетъ быть и въ устройствѣ самаго Общества. Бурцевъ и Комаровъ просились въ отпускъ и по собственнымъ дѣламъ своимъ должны были пробыть нѣкоторое время въ Москвѣ. Пестелю очень хотѣлось пріѣхать на съѣздъ въ Москву, но многіе увѣряли его, что такъ какъ два депутата ихъ уже будутъ на этомъ съѣздѣ, то его присутствіе тамъ не необходимо и что просившись въ отпускъ въ Москву гдѣ — всѣ знаютъ что у него нѣтъ ни родныхъ и никакого особеннаво дѣла, онъ можетъ навлечь подозрѣніе тульчинскаго начальства, а можетъ быть и по-

дозрѣніе московской полиціи. Пестель согласился не ѣхать въ Москву.

Въ Тульчинѣ полковникъ Абрамовъ далъ мнѣ изъ дежурства подорожную по казенной надобности и я съ ней пустился въ Кишеневъ къ Орлову съ письмомъ отъ фонъ Визина и порученіемъ пригласить его на съѣздъ въ Москву. Я никогда не видалъ Орлова, но многіе изъ моихъ знакомыхъ превозносили его какъ человѣка высшаго разряда по своимъ умственнымъ способностямъ и другимъ превосходнымъ качествамъ. Когда-то императоръ Александръ былъ высокаго о немъ мнѣнія и пробовалъ употребить его по дипломатической части. Въ 15-мъ году, при отчужденіи Норвегіи отъ Даніи, Орловъ былъ посланъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить норвежцевъ совершенно присоединиться къ Швеціи и имѣть съ ней вмѣстѣ одинъ сеймъ. Но Орловъ сблизился съ тамошними либералами и дѣйствовалъ не согласно съ данными ему предписаніями. Норвегія, присоединенная къ Швеціи, но имѣя свое собственное представительство, осталась во многихъ отношеніяхъ землею отъ нея отдѣльною. Когда сдѣлалось извѣстнымъ намереніе императора Александра образовать отдѣльный литовскій корпусъ и, одѣвши его въ польскій мундиръ, дать ему ли-

товскія знамена — намѣреніе это возмутило многихъ нашихъ генераловъ и они согласились между собой подать письменное представленіе императору, въ которомъ они излагали весь вредъ могущій произойти отъ образованія отдѣльнаго литовскаго корпуса и умоляли императора не приводить въ исполненіе своего намѣренія, столь пагубнаго для Россіи. Въ числѣ генераловъ, согласившихся подписать это представленіе, былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, впослѣдствіи начальникъ гвардейскаго корпуса. Онъ испугался собственной своей смѣлости и пришедши къ императору съ раскаяніемъ просилъ у него прощенія въ томъ, что задумалъ противъ него недоброе, назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ и разсказалъ все дѣло, въ которомъ главнымъ побудителемъ, былъ Орловъ, написавшій самое представленіе. Государь потребовалъ къ себѣ Орлова, напомнилъ прежнее къ нему благоволеніе, и спросилъ — какъ могъ онъ рѣшиться дѣйствовать противъ него. Орловъ сталъ увѣрять императора въ своей къ нему преданности. Тутъ императоръ разсказалъ подробно все дѣло, замышляемое генералами и приказалъ Орлову принести къ нему представленіе, писанное имъ отъ имени генераловъ. Орловъ отъ всего отрекся,

послѣ чего императоръ разстался навсегда съ прежнимъ своимъ любимцемъ. Свиданіе это съ императоромъ разсказывалъ мнѣ самъ Орловъ. Скоро послѣ того онъ получилъ мѣсто начальника штаба при генералѣ Раевскомъ, командующимъ 4-мъ корпусомъ. Въ Кіевѣ Орловъ устроилъ едва-ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ. Въ библейскомъ обществѣ онъ произнесъ либеральную рѣчь, которая ходила тогда у всѣхъ по рукамъ, и вообще пріобрѣлъ себѣ въ это время еще бо̀льшую извѣстность, нежели какой пользовался прежде. Какимъ-то случаемъ онъ потерялъ мѣсто начальника штаба, но вскорѣ потомъ Киселевъ, который былъ съ нимъ друженъ, выпросилъ для него у императора дивизію во 2-ой арміи. Командуя этой дивизіей, онъ жилъ въ Кишеневѣ, гдѣ опять завелъ очень полезныя училища для солдатъ и поручилъ ихъ надзору капитана Раевскаго, члена Тайнаго Общества и совершенно ему преданнаго. Къ несчастію Раевскій, въ надеждѣ на покровительство Орлова, слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и впослѣдствіи попалъ подъ судъ. Самъже Орловъ безпрестанно отдавалъ самые либеральные приказы по дивизіи.

Я съ любопытствомъ ожидалъ свиданія съ

Орловымъ и встрѣтился съ нимъ, не доѣхавъ до Кишенева. Съ нимъ былъ адъютантъ его Охотниковъ, славный малый, и совершенно преданный Тайному Обществу; я давно былъ знакомъ съ нимъ. Прочитавши письмо фонъ Визина, Орловъ обошелся со мной, какъ съ старымъ знакомымъ, и тутъ же предложилъ сѣсть къ себѣ въ дормезъ, а Охотниковъ сѣлъ на мою перекладную тѣлежку; потомъ мы съ нимъ черезъ станцію мѣнялись мѣстами въ дормезѣ. Орловъ съ перваго раза весь высказался передо мной. Наружности онъ былъ прекрасной и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ образованный, отмѣнно добрый и кроткій; обхожденіе его было истинно увлекательное, и потому познакомившись съ нимъ не было возможности не полюбить его; но бывши человѣкомъ не глупымъ — въ сужденіяхъ своихъ ему рѣдко удавалось попасть на истину. Онъ почти всегда становился къ ней бокомъ, вслѣдствіе чего въ разговорахъ, въ которыхъ обсуживался какой-нибудь не совсѣмъ пошлый предметъ, онъ почти никогда не подвигался съ успѣхомъ; за то по своей добротѣ и кротости никогда не обижался даже и самыми колкими противъ себя возраженіями. На убѣжденія мои пріѣхать въ Москву, онъ отвѣчалъ, что пока навѣрное обѣ-

щать не можетъ и съ своей стороны пригласилъ меня ѣхать съ нимъ къ Давыдову въ кіевскую губернію. Узнавши, что у Давыдова, съ которымъ я не былъ знакомъ, соберется много гостей къ 24 Ноября, на имянины его матери и избѣгавши гостинныхъ во всю мою жизнь, такое приглашеніе было не совсѣмъ пріятно для меня; но когда мы на станціи сошлись съ Охотниковымъ, онъ взялъ меня въ сторону и просилъ меня убѣдительно ѣхать съ ними вмѣстѣ, увѣряя меня, что въ это время мнѣ удастся уговорить Орлова, безъ чего было мало надежды, чтобы онъ пріѣхалъ въ Москву. Я рѣшился ѣхать въ Каменку къ Давыдову.

Проѣзжая черезъ Новый Міргородъ, мы заѣхали къ полковнику Гревсу. Орловъ былъ знакомъ съ нимъ, когда они еще вмѣстѣ служили въ кавалеріи. Гревсъ командовалъ однимъ изъ полковъ Бугскаго поселенія. За обѣдомъ онъ сказалъ съ нѣкоторою гордостію, что командуя своимъ полкомъ, онъ тоже, что̀ помѣщикъ, у котораго 18,000 душъ. Вездѣ происходили неимовѣрныя грабительства въ военныхъ поселеніяхъ. А Аракчееву на устройство ихъ отпускались ежегодно десятки милліоновъ; теперь, по наружности, и бугскія и чугуевскія поселенія были

приведены въ нѣкоторый порядокъ. Сперва казаки, опираясь на свои права, означенныя въ граматахъ, дарованныхъ имъ прежними государями, не соглашались поступить въ военныя поселенія. Аракчеевъ изъ Харькова распорядился этимъ дѣломъ. Посланный имъ генералъ Саловъ наиболѣе непокорныхъ загналъ до смерти сквозь строй, а остальные смирились.

Пріѣхавъ въ Каменку, я полагалъ, что никого тамъ не знаю, и былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Я познакомился съ нимъ въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ у Петра Чаадаева, съ которымъ онъ былъ друженъ и къ которому имѣлъ большое довѣріе. Василій Львовичъ Давыдовъ, ревностный членъ Тайнаго Общества узнавши кто я, отъ Орлова, принялъ меня болѣе чѣмъ радушно. Онъ представилъ меня своей матери и своему брату генералу Раевскому, какъ давнишняго короткаго своего пріятеля. Съ генераломъ былъ сынъ его, полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я — мы пробыли у Давыдова цѣлую недѣлю. Пушкинъ, пріѣхавшій изъ Кишенева, гдѣ

въ это время онъ былъ въ изгнаніи и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько-же. Мы всякій день обѣдали внизу у старушки матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостинной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена Ал. Львовича Давыдова, котораго Пушкинъ такъ удачно назвалъ "рогоносецъ величавый", урожденная графиня Грамонъ, впослѣдствіи вышедшая за мужъ въ Парижѣ за генерала Себестіани, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ къ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и раскраснѣвшись смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала что̀ дѣлать, и готова была заплакать. Мнѣ стало ее жалко и я сказалъ Пушкину вполголоса: посмотрите, что вы дѣлаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя. "Я хочу наказать кокету, отвѣчалъ онъ; прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня." Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ об-

щежитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ нибудъ словомъ, въ которомъ рѣшительно не было для него ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей гусаровъ, въ Царскомъ Селѣ; при этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то очень пошло. За то заходилъ-ли разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словестности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ, и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но и въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ его Noel: "Ура! въ Россію скачетъ" и онъ очень удивился, какъ я его знаю, а между тѣмъ всѣ его ненапечатанныя сочиненія: *Деревня*, *Кинжалъ*, *Четырехстишіе къ Аракчееву*, *Посланіе къ Петру Чаадаеву* и много другихъ, были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ ихъ наизустъ. Во-

обще Пушкинъ былъ отголосокъ своего поколѣнія, со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ не бывало прежде въ Россіи.

Всѣ вечера мы проводили на половинѣ у Василья Львовича и вечернія бесѣды наши для всѣхъ насъ были очень занимательны. Раевскій, не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозрѣвая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все происходящее вокругъ его. Онъ не вѣрилъ, чтобъ я случайно заѣхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. Л. Давыдовъ, Охотниковъ и я сговорились такъ дѣйствовать, чтобы сбить съ толку Раевскаго на счетъ того, принадлежимъ-ли мы къ Тайному Обществу или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ былъ выбранъ президентомъ Раевскій. Съ полушутливымъ и съ полуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ; никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія и. т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменкѣ, послѣ многихъ разсужденій

о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: на сколько было-бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? самъ онъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. В. Л. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова; Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу, какую-бы могло принести Тайное Общество Россіи. Тутъ испросивъ слово у презядента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Общества, которое могло-бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло-бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой; въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ нетрудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: если-бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились-бы? — Напротивъ, навѣрное-бы присоединился, отвѣчалъ онъ. Въ такомъ случаѣ давайте руку, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказавъ Раевскому: разумѣется, все это только одна шутка. Другіе также смѣялись, кромѣ А. Л., рогоносца величаваго, который дремалъ и

Пушкина который былъ очень взволнованъ; онъ передъ этимъ увѣрился, что Тайное Общество или существуетъ, или тутъ-же получитъ свое начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка — онъ всталъ раскраснѣвшись и сказалъ со слезой на глазахъ: я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собой, и все это была только злая шутка. Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ. Въ 27-мъ году, когда онъ пришелъ проститься съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему мужу Никитѣ, онъ сказалъ ей: я очень понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое Общество; я не стоилъ этой чести.

При прощаніи, Орловъ обѣщалъ мнѣ непремѣнно пріѣхать въ Москву. Въ первыхъ числахъ Января 21-го года Граббе, Бурцевъ, и я жили вмѣстѣ у фонъ Визиныхъ. Скоро потомъ пріѣхали въ Москву изъ Петербурга Николай Тургеневъ и Ѳедоръ Глинка, а потомъ изъ Кіева Михайло Орловъ съ Охотниковымъ. Было рѣшено Комарова не принимать на наши совѣщанія; ему уже тогда не очень довѣряли. На первомъ изъ этихъ совѣщаній были Орловъ, Охотниковъ и Ник. Тур-

геневъ, Ѳ. Глинка, два брата фонъ Визины, Граббе, Бурцевъ и я. Орловъ привезъ писанныя условія, на которыхъ онъ соглашался присоединиться къ Тайному Обществу; въ этомъ сочиненіи, послѣ многихъ фразъ, онъ старался доказать, что Тайное Общество должно рѣшиться на самыя крутыя мѣры и для достиженія своей цѣли даже прибѣгнуть къ средствамъ, которыя могутъ казаться преступными; во первыхъ онъ предлагалъ завести тайную типографію или литографію посредствомъ которой можно-бы было печатать разныя статьи противъ правительства и потомъ въ большомъ количествѣ разсылать по всей Россіи. Второе его предложеніе состояло въ томъ, чтобы завести фабрику фальшивыхъ ассигнацій, чрезъ что̀, по его мнѣнію, Тайное Общество, съ перваго раза пріобрѣло-бы огромныя средства и вмѣстѣ съ тѣмъ подрывался-бы кредитъ правительства. Когда онъ кончилъ чтеніе, всѣ смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ. Я наконецъ сказалъ ему, что онъ вѣроятно шутитъ, предлагая такія неистовыя мѣры; но ему того-то и нужно было. Помовленный на Раевской — въ угодность ея роднымъ онъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами Тайнаго Общества; на возраженія наши онъ сказалъ, что если мы не

принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему Тайному Обществу. Послѣ чего онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался, и только уѣзжая уже изъ Москвы, въ дорожной повозкѣ заѣхалъ проститься съ фонъ Визинымъ и со мной. При прощаніи, показавъ на меня, онъ сказалъ: этотъ человѣкъ никогда мнѣ не проститъ. Въ отвѣтъ я парадировалъ нѣсколько строкъ изъ письма Брута къ Цицерону, и сказалъ ему: если мы успѣемъ, Михайло Ѳедоровичъ, мы порадуемся вмѣстѣ съ вами; если-же не успѣемъ, то безъ васъ порадуемся одни. Послѣ чего онъ бросился меня обнимать.

На слѣдующихъ совѣщаніяхъ собрались тѣже члены, кромѣ Орлова. Для большаго порядка выбранъ былъ предсѣдателемъ Н. Тургеневъ. Прежде всего было признано нужнымъ измѣнить не только уставъ Союза Благоденствія, но и самое устройство и самый составъ Общества. Рѣшено было объявить повсемѣстно, во всѣхъ управахъ, что такъ какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ малѣйшею неосторожностью можно было возбудить подозрѣніе правительства, то Союзъ Благоденствія прекращаетъ свои дѣйствія навсегда. Этой мѣрой не надежныхъ членовъ удаляли изъ Общества.

Въ новомъ уставѣ, цѣль и средства для достиженія ея должны были опредѣлиться съ большею точностію, нежели онѣ были опредѣлены въ уставѣ Союза Благоденствія и потому можно было надѣяться, что члены, въ ревностномъ содѣйствіи которыхъ нельзя было сомнѣваться, соединившись вмѣстѣ, составятъ одно цѣлое, и дѣйствуя единодушно — придадутъ новыя силы Тайному Обществу. За тѣмъ приступили къ сочиненію новаго устава; онъ раздѣлялся на двѣ части: въ первой для вступающихъ предлагались тѣже филантропическія цѣли, какъ и въ Зеленой Книгѣ. Редакціей этой части занялся Бурцевъ. Вторую часть написалъ Н. Тургеневъ для членовъ высшаго разряда. Въ этой второй части устава уже прямо было сказано, что цѣль Общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи, а чтобы пріобрѣсть для этого средства — признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякой случай. На первый разъ положено было учредить 4 главныя думы: одну въ Петербургѣ подъ руководствомъ Н. Тургенева, другую въ Москвѣ, которую поручали Ив. Алекс. фонъ-Визину; третью я долженъ былъ образовать въ Смоленской губерніи, четвертую брался Бурцевъ привести въ

порядокъ въ Тульчинѣ. Онъ увѣрялъ, что по пріѣздѣ въ Тульчинъ, онъ первоначально объявитъ объ уничтоженіи Союза Благоденствія, но что вслѣдъ за тѣмъ извѣститъ всѣхъ членовъ, кромѣ приверженцевъ Пестеля, о существованіи новаго устава, и что они всѣ къ нему присоединятся подъ его руководствомъ. Уставъ былъ подписанъ всѣми присутствующими членами на совѣщаніяхъ и Мих. Муравьевымъ, который пріѣхалъ въ Москву уже къ самому концу нашихъ засѣданій. Обѣ части новаго устава были переписаны въ 4-хъ экземплярахъ: одинъ для Тургенева, другой для И. А. фонъ Визина, третій для меня, четвертый для Бурцева. Но еще при самыхъ первыхъ нашихъ совѣщаніяхъ были приглашены на одно изъ нихъ всѣ члены, бывшіе тогда въ Москвѣ. На этомъ общемъ совѣщаніи были князь Сергѣй Волконскій, Комаровъ, Петръ Колошинъ и многіе другіе. Тургеневъ, какъ нашъ президентъ, объявилъ всѣмъ присутствующимъ, что Союзъ Благоденствія болѣе не существуетъ и изложилъ предъ ними причины его уничтоженія.

Тургеневъ, пріѣхавши въ Петербургъ объявилъ, что члены бывшіе на съѣздѣ въ Москвѣ нашли необходимымъ прекратить дѣйствія Союза

Благоденствія и потомъ одному только Никитѣ Муравьеву прочелъ новый уставъ Общества, послѣ чего изъ предосторожности онъ положилъ его въ бутылку и засыпалъ табакомъ. Изъ петербургскихъ членовъ, дѣятельностью Никиты Муравьева, образовалось новое Общество. Скоро потомъ труды по Обществу раздѣлили съ Никитою, полковникъ князь Трубецкой и адъютантъ Бистрома князь Оболенскій; Николай же Тургеневъ, первое время по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, мало принималъ участія въ дѣлахъ новаго Тайнаго Общества, хотя и не прекращалъ сношеній со многими изъ членовъ. Не понятно, какъ съ своемъ сочиненіи о Россіи, онъ могъ рѣшиться отвергать существованіе Тайнаго Общества и потомъ отрекаться отъ участія, которое онъ принималъ въ немъ, какъ дѣйствительный членъ, на съѣздѣ въ Москвѣ и послѣ на многихъ совѣщаніяхъ въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ, когда разъѣхались пріѣзжіе члены, остались только два брата фонъ Визины; въ Смоленской губерніи я былъ одинъ, если не считать Граббе, который съ своимъ полкомъ могъ быть всегда переведенъ оттуда. Правда мнѣ поручено было принять Пассека и Петра Чаадаева, при первомъ свиданіи съ ними. Когда

Чаадевъ пріѣхалъ въ Москву, я предложилъ ему вступить въ наше Общество; онъ на это согласился, но сказалъ мнѣ, что напрасно я не принялъ его прежде, тогда онъ не вышелъ-бы въ отставку и постарался-бы попасть въ адъютанты къ великому князю Николаю Павловичу, который очень можетъ быть покровительствовалъ-бы подъ рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата.

Бурцевъ, по пріѣздѣ своемъ въ Тульчинъ, объявилъ на общемъ совѣщаніи о несуществованіи Тайнаго Общества. Всѣ присутствующіе члены напали на него и на членовъ бывшихъ на съѣздѣ въ Москвѣ, доказывая очень справедливо, что 8 человѣкъ не имѣли никакого права уничтожить цѣлое Тайное Общество. Они тутъ-же дали другъ другу обѣщаніе никакъ не прекращать своихъ дѣйствій. Бурцевъ остался одинъ и совершенно въ сторонѣ; онъ даже никому не показалъ новаго устава и съ тѣхъ поръ прекратилъ всѣ свои сношенія съ товарищами по Обществу. Изъ тульчинскихъ членовъ, подъ руководствомъ Пестеля, образовалось новое Общество, котораго уже явная цѣль была измѣненіе образа

правленія въ Россіи, и съ этого времени они назывались Южными, въ отличіе отъ петербургскихъ, которые назывались Сѣверными.

Въ 20-мъ году, въ смоленской губерніи, былъ повсемѣстный неурожай и въ началѣ 21-го года, вездѣ нуждались, а въ рославльскомъ уѣздѣ, вмѣсто хлѣба, ѣли сосновую кору и положительно умирали съ голоду. Михаилъ Муравьевъ, рославльскій помѣщикъ, бывши свидѣтелемъ крайней нужды, претерпѣваемой въ его уѣздѣ, хлопоталъ въ Москвѣ о средствахъ помочь бѣднымъ людямъ. Теща его, Н. Н. Шереметева собрала ему въ нѣсколько дней пожертвованій отъ разныхъ лицъ до 15,000. Дмитрій Давыдовъ, первый нашъ сахароваръ, принимавшій участіе во всѣхъ увеселеніяхъ Москвы, на одномъ балѣ возбудилъ состраданіе къ умирающимъ отъ голоду знакомыхъ ему дамъ; каждая изъ нихъ тутъ-же отдала ему въ пользу бѣдныхъ или турецкую свою шаль (Вяземская) или браслетъ, или серьги и. т. д. Разумѣется, что мужья ихъ откупили вещи, пожертвованныя ихъ женами, и внесли за нихъ деньги, которыхъ набралось около 6,000; потомъ при другихъ еще пожертвованіяхъ составилось около 30,000 для вспомоществованія бѣднымъ въ рославльскомъ уѣздѣ. И А. фонъ Визинъ, ко-

ротко знакомый съ княземъ Голицынымъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ, и много имъ уважаемый, отправился къ нему и разсказалъ о бѣдствіяхъ въ рославльскомъ уѣздѣ и о бездѣйствіи тамошняго начальства. Голицынъ ничего про это не зналъ. Бывши самъ человѣкъ очень добрый, онъ принялъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и обѣщалъ отъ себя донести правительству, но совѣтовалъ фонъ Визину прежде съѣздить въ Рославль и привести ему оттуда подробныя свѣденія, на которыхъ онъ могъ-бы основаться въ своемъ донесеніи. Фонъ Визинъ и я — мы отправились въ Рославль; М. Муравьевъ былъ уже тамъ. При въѣздѣ нашемъ въ этотъ уѣздъ, безпрестанно попадались намъ люди совершенно изнеможенные, и что многіе изъ нихъ умирали отъ нужды, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Нищіе со всѣхъ сторонъ шли въ городъ; каждый изъ нихъ надѣялся получить отъ городскихъ жителей, хоть небольшой кусокъ хлѣба. Чтобы опредѣлить имена помѣщиковъ, между крестьянами которыхъ наиболѣе было нищихъ, фонъ Визинъ и я — мы расположились на постояломъ дворѣ съ цѣлымъ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ. Всѣ нищіе входили къ намъ свободно; каждому изъ нихъ я давалъ пятакъ и спрашивалъ его имя, названіе

его деревни и какому помѣщику онъ принадлежитъ. Фонъ Визинъ все это записывалъ. Такимъ образомъ составился списокъ, изъ котораго уже можно было видѣть приблизительно въ какихъ селеніяхъ и чьихъ помѣщиковъ крестьяне наиболѣе нуждались. Потомъ мы поѣхали къ М. Муравьеву и нашли у него Левашевыхъ и дядю его Тютчева. Ни Левашевъ, ни Тютчевъ не были членами Тайнаго Общества, но дѣйствовали совершенно въ его смыслѣ. Левашевы жили уединенно въ деревнѣ, занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей и улучшеніемъ своихъ крестьянъ, входя въ положеніе каждаго изъ нихъ и помогая имъ по возможности. У нихъ были заведены училища для крестьянскихъ мальчиковъ, по порядку взаимнаго обученія. Въ это время такихъ людей, какъ Левашевы и Тютчевъ, дѣйствующихъ въ смыслѣ Тайнаго Общества и сами того не подозрѣвая, было много въ Россіи. Муравьевъ, Левашевы и Тютчевъ, зная своихъ сосѣдей и при помощи привезеннаго нами списка изъ Рославля, могли опредѣлить въ какихъ мѣстахъ наиболѣе нуждались въ пособіи. Они распорядились покупкою хлѣба на пожертвованныя въ Москвѣ деньги и раздачей его. Въ это время цѣны на хлѣбъ необычайно возвысились; четверть ржи стоила до

25 руб. и на 30,000, которыя были въ нашемъ распоряженіи, можно было купить не болѣе, какъ 1,300 четвертей, количество незначительное въ отношеніи съ количествомъ нуждающихся во всемъ уѣздѣ; между тѣмъ не предвидѣлось никакихъ средствъ прокормить народъ до слѣдующей жатвы; но и будущая жатва не обѣщала ничего утѣшительнаго; за недостаткомъ зерноваго хлѣба большая часть крестьянскихъ полей остались не засѣянными. Въ этомъ случаѣ Михаилъ Муравьевъ предпринялъ рѣшительную мѣру. Онъ созвалъ въ Рославль своихъ знакомыхъ и многихъ незнакомыхъ помѣщиковъ и предложилъ имъ подписать бумагу къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой рославльскіе дворяне доводили до свѣденія его о бѣдственномъ положеніи сего края. Бумага эта за подписью нѣскольких десятковъ рославльскихъ дворянъ, пошла къ министру мимо уѣзднаго предводителя, который изъ опасенія прогнѣвать начальство, не хотѣлъ подписаться вмѣстѣ съ дворянами своего уѣзда, мимо губернскаго предводителя и мимо губернатора, за то она произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Тотчасъ былъ отправленъ въ Смоленскъ сенаторъ Мертваго и въ его распоряженіе было назначено милліонъ рублей. Онъ считался однимъ

изъ лучшихъ московскихъ сенаторовъ, но въ Смоленскѣ онъ проводилъ время или во снѣ, или на обѣдахъ, или за картами, исподволь собирая свѣденія о наиболѣе нуждающихся въ пособіи. Видѣть этого дремлющаго старика, когда все около него страдало, было отвратительно. Возвратясь въ Жуково, я заѣхалъ къ Пассеку и принялъ его въ члены нашего Тайнаго Общества. Онъ былъ этимъ чрезвычайно доволенъ; когда онъ бывалъ съ Граббе, фонъ Визинымъ и со мной, онъ замѣчалъ, что у насъ есть какая-то отъ него тайна, и ему было очень неловко. Онъ всегда былъ добръ до своихъ крестьянъ; но съ этихъ поръ онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ "о правахъ и обязанностяхъ гражданина," изданной при императрицѣ Екатеринѣ и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Курсъ ученья оканчивался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя въ тет-

радку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ, между прочими правами, предоставлено было въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу; по воскресеньямъ, избранные отъ міра старики собирались въ конторѣ и разбирали тяжбы между крестьянами. Однажды Пассекъ за грубость послалъ своего камердинера съ жалобой на него къ старикамъ, и они присудили его заплатить два рубля въ общественный сборъ. Камердинеръ-же этотъ получалъ отъ своего барина 300 руб. въ годъ. Пассекъ въ этомъ случаѣ остался очень доволенъ и стариками и собой. Онъ вообще двадцатью годами предупредилъ нѣкоторыя учрежденія государственныхъ имуществъ. Бывши самъ уже не первой молодости и желая насладиться успѣхомъ въ дѣлѣ, которое было близко его сердцу, онъ употреблялъ усильныя мѣры для улучшенія своихъ крестьянъ и истратилъ на нихъ въ нѣсколько лѣтъ десятки тысячь, которыя онъ имѣлъ въ ломбардѣ; за то уже при немъ въ имѣніи было много грамотныхъ крестьянъ и состояніе ихъ до невѣроятности улучшилось. Но крѣпостное состояніе въ этомъ дѣлѣ все испортило. Теперь это имѣніе

принадлежитъ племянникамъ Пассека и очень вѣроятно, что ни одно изъ благихъ его учрежденій уже болѣе не существуетъ.

Осенью въ 21-мъ году было въ Петербургѣ происшествіе семеновскаго полка. Императоръ Александръ въ это время находился на съѣздѣ въ Лейбахѣ и узналъ отъ Метерниха, что любимой его полкъ взбунтовался; извѣстіе его сильно поразило. Семеновскій полкъ былъ расформированъ и нижніе чины были развезены по разнымъ крѣпостямъ Финляндіи, потомъ многіе изъ нихъ были прогнаны сквозь строй, другіе биты кнутомъ и сосланы въ каторжную работу, остальные посланы служить безъ отставки: первый баталліонъ въ сибирскіе гарнизоны, второй и третій размѣщены по разнымъ армейскимъ полкамъ. Офицеры же слѣдующими чинами всѣ были выписаны въ армію съ запрещеніемъ давать имъ отпуска и принимать отъ нихъ просьбы въ отставку; запрещено было также представлять ихъ къ какой-бы то ни было наградѣ. Четверо изъ нихъ: Ватковскій, Кошкаровъ, Ермолаевъ и князь Щербатовъ были отданы подъ судъ; при этомъ надѣялись узнать отъ нихъ что-нибудь положительное о существованіи Тайнаго Общества. На Щербатова падало болѣе подозрѣній нежели на

другихъ по связи его со мной и короткому знакомству съ лицами, подозрѣваемыми правительствомъ. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ разжалованію въ солдаты; но ему обѣщали совершенное прощеніе, если онъ сообщитъ какія-нибудь свѣденія о существованіи Тайнаго Общества. Самъ онъ не принадлежалъ къ нему; видаясь-же безпрестанно со мной, онъ зналъ многое, но наша тайна была для него священна, и онъ рѣшился лучше быть невинной жертвой, нежели поступить предательски. На всѣ задаваемые ему вопросы о Тайномъ Обществѣ онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. При вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго императора приговоръ суда надъ Щербатовымъ былъ исполненъ и онъ былъ посланъ на Кавказъ солдатомъ.

Послѣ семеновской исторіи императоръ Александръ поступилъ совершенно подъ вліяніе Метерниха, перешелъ отъ народовъ, прежде усердно имъ защищаемыхъ на сторону властей, и во всѣхъ случаяхъ почиталъ теперь своею обязанностью защищать священныя права царей. Тутъ прекратилось въ немъ раздвоеніе; и въ Европѣ и въ Россіи политическія его воззрѣнія были одни и тѣже. Въ 22-мъ году, по возвращеніи въ

Петербургъ, первымъ распоряженіемъ правительства было закрыть массонскія ложи и запретить въ Россіи тайныя общества: со всѣхъ служащихъ были взяты росписки, что они не будутъ принадлежать къ тайнымъ обществамъ. Разумѣется, что такое распоряженіе поставило въ необходимость петербургскихъ членовъ быть очень осторожными, вслѣдствіе чего они рѣдко собирались между собой и пріемъ новыхъ членовъ почти совсѣмъ прекратился. У императора была въ рукахъ Зеленая Книга, и онъ, прочитавши ее, говорилъ своимъ приближеннымъ, что въ этомъ уставѣ Союза Благоденствія все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что бо̀льшая часть тайныхъ обществъ при началѣ своемъ имѣютъ почти всегда только цѣль филантроническую, но что потомъ эта цѣль измѣняется скоро и переходитъ въ заговоръ противъ правительства. Съ этихъ поръ императоръ находился въ какомъ-то особенномъ опасеніи тайныхъ обществъ въ Россіи. Къ нему безпрестанно привозили бумаги, захваченныя у лицъ, подозрѣваемыхъ полиціей. И странно, въ этомъ случаѣ не попался ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ. Это самое еще болѣе смущало императора. Онъ былъ увѣренъ, что устрашающее его тайное

общество было чрезвычайно сильно, и сказалъ однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этотъ счетъ: "ты ничего не понимаешь, эти люди могутъ кого хотятъ возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому-же они имѣютъ огромныя средства; въ прошломъ году, во время неурожая въ смоленской губерніи, они кормили цѣлые уѣзды." И при этомъ назвалъ меня, Пассека, фонъ Визина, Михаила Муравьева и Левашева. Все это передалъ мнѣ Павелъ Колошинъ, пріѣхавшій изъ Петербурга по порученію Н. Тургенева; я былъ тогда случайно одинъ въ Москвѣ. И. А. фонъ Визинъ жилъ въ подмосковной, а М. А. уѣхалъ въ свою Костромскую деревню. Тургеневъ заказывалъ намъ съ Колошинымъ быть, какъ можно, осторожнѣе послѣ того, что императоръ назвалъ нѣкоторыхъ изъ насъ.

Въ 22-мъ году, по сформированіи новаго Семеновскаго полка вся гвардія выступила изъ Петербурга въ походъ, подъ предлогомъ предстоящей будто-бы войны, а въ самомъ дѣлѣ потому, что опасались пребыванія гвардіи въ столицѣ. Васильчиковъ уже не командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Чтобы уменьшить свою отвѣтственность по случаю исторіи семеновскаго полка, онъ

увѣрялъ императора, что не въ одной гвардіи, но и въ арміи распространенъ духъ неповиновенія, и въ доказательство подалъ ему письмо своего брата командира гусарской бригады, въ составъ которой входили полки лубенской и гродненской. Въ этомъ письмѣ Васильчиковъ жаловался старшему своему брату на Граббе, описывая всѣ случаи, въ которыхъ его подчиненный оказывалъ ему всѣ возможныя неуваженія. Меньшой этотъ Васильчиковъ былъ плохой человѣкъ. Дибичъ, бывши еще начальникомъ штаба 1-ой арміи и проѣзжая черезъ Дорогобужъ, просилъ убѣдительно Граббе, для пользы службы, во фрунтѣ вести себя пристойно съ бригаднымъ своимъ командиромъ, прибавивъ: въ комнатѣ дѣло другое, и сдѣлалъ рукою движенье, которое выражало: въ комнатѣ, пожалуй, можно его и поколотить. Письмо Васильчикова сильно подѣйствовало на императора. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, Граббе съ своимъ полкомъ изъ Дорогобужа былъ переведенъ не помню въ какую губернію. Совершенно неожиданно получилъ онъ бумагу отъ начальника штаба его императорскаго величества съ надписью: отставному полковнику Граббе. Князь Волконскій писалъ къ нему, что поведеніе его съ бригаднымъ командиромъ заслу-

живаетъ примѣрнаго наказанія, но что государь императоръ, во уваженіе прошедшей отличной его службы, приказалъ не подвергать его военному суду, и повелѣлъ ему съ полученіемъ сего сдать полкъ старшему по себѣ и отправиться на жительство въ Ярославль, не заѣзжая ни въ одну столицу. Случившіеся тутъ офицеры были такъ поражены неожиданнымъ распоряженіемъ, что спросили у Граббе, что онъ прикажетъ имъ дѣлать. Онъ ихъ успокоилъ и сдавши въ 24 часа полкъ подполковнику Курилову, отправился съ своимъ деньщикомъ Иваномъ, едва имѣя съ чѣмъ доѣхать до Ярославля. Онъ командовалъ лубенскимъ полкомъ почти 6 лѣтъ; въ это время на его мѣстѣ всякой дошлый полковой командиръ составилъ бы себѣ огромное состояніе. Нѣкоторые изъ короткихъ пріятелей Граббе сложились и доставляли ему годовое содержаніе, безъ чего онъ рѣшительно не имѣлъ чѣмъ существовать въ Ярославлѣ.

Походъ гвардіи имѣлъ совершенно противныя послѣдствія, нежели какихъ отъ него ожидалъ императоръ. Офицеры всѣхъ полковъ, болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, и не подвергаясь такому строгому надзору, какъ въ столицѣ, часто сообщались между собою, и много

новыхъ членовъ поступило въ Тайное Общество. Никита Муравьевъ, въ Витебскѣ, написалъ свою конституцію для Россіи; это былъ въ кратцѣ снимокъ съ англійской конституціи. Въ 23-мъ году по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Пущинъ принялъ Рылѣева, съ поступленіемъ котораго дѣятельность петербургскихъ членовъ очень увеличилась. Много новыхъ членовъ было принято.

Въ 22-мъ году генералъ Ермоловъ, вызванный съ Кавказа начальствовать надъ отрядомъ, назначеннымъ противъ возставшихъ неаполитанцевъ, прожилъ нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ и всякій день видался съ императоромъ. Неаполитанцы были уничтожены австрійцами прежде, нежели нашъ вспомогательный отрядъ двинулся съ мѣста и Ермоловъ возвратился на Кавказъ. Въ Москвѣ, увидѣвъ пріѣхавшаго къ нему М. фонъ Визина, который былъ у него адъютантомъ, онъ воскликнулъ: "поди сюда величайшій карбонари." Фонъ Визинъ не зналъ, какъ понимать такого рода привѣтствіе. Ермоловъ прибавилъ: "я ничего не хочу знать, что у васъ дѣлается, но скажу тебѣ, что *онъ* васъ такъ боится, какъ бы я желалъ, чтобы онъ меня боялся." Болѣзненное воображеніе императора, конечно, преуве-

личивало средства и могущество Тайнаго Общества, и потому понятно, что, не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ даже на счетъ существованія этого Общества, ему трудно было приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ врага невидимаго. Члены Тайнаго Общества ничѣмъ рѣзко не отличались отъ другихъ. Въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ.

Императоръ, преслѣдуемый призракомъ Тайнаго Общества, все болѣе и болѣе становился недовѣрчивымъ, даже къ людямъ, въ преданности которыхъ онъ казалось не могъ сомнѣваться. Генералъ-адъютантъ князь Менщиковъ, начальникъ канцеляріи главнаго штаба, подозрѣваемый императоромъ въ близкомъ сношеніи съ людьми, опасными для правительства, лишился своего мѣста. Князь П. М. Волконскій, начальникъ штаба его императорскаго величества, находившійся неотлучно при императорѣ съ самаго восшествія его на престолъ, лишился также своего мѣста, и на нѣкоторое время удалился отъ Двора. Причина такой немилости къ Волконскому заключалась въ томъ, что онъ никакъ не соглашался ѣхать

въ Грузино на поклоненіе Аракчееву. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, съ самой его молодости непрерывно пользовавшійся милостями и довѣріемъ императора, внезапно былъ отставленъ отъ своей должности. Въ это время Аракчеевъ сблизилъ монаха Фотія съ императоромъ. Фотій былъ человѣкъ не совсѣмъ пошлый; малообразованный, изувѣръ съ пламеннымъ воображеніемъ, онъ сильно дѣйствовалъ, особенно на женщинъ смѣлостью и неожиданностью своихъ выраженій. Скоро онъ овладѣлъ полнымъ довѣріемъ императора, доказавъ ему, что благочестіе и набожность свѣтскихъ людей, въ томъ числѣ и князя Голицына, суть ничто иное, какъ отступничество отъ истиннаго православія, которое одно ведетъ къ вѣчному спасенію. Съ этихъ поръ императоръ сталъ усердно посѣщать монастыри, бесѣдовалъ съ схимниками, посылалъ значительные вклады въ разныя обители и началъ строго соблюдать всѣ обряды греко-россійской церкви. Многія книги, напечатанныя на счетъ правительства, были запрещены, въ томъ числѣ и естественное право Куницына и книжка, сочиненная Филаретомъ, теперешнимъ митрополитомъ московскимъ. За эту книжку, напечатанную по имен-

ному повелѣнію, а потомъ у всѣхъ отобранную, и пострадалъ князь Голицынъ. Цензура сдѣлалась крайне стѣснительна. Въ университетахъ многія каѳедры уничтожены; во всѣхъ училищахъ запрещено учить миѳологіи древнихъ, такъ какъ во всѣхъ высшихъ заведеніяхъ преподавалась древняя словесность. Въ послѣдніе годы своего царствованія, императоръ сдѣлался почти нелюдимымъ. Въ путешествіяхъ своихъ онъ не заѣзжалъ ни въ одинъ губернскій городъ, и для него прокладывалась большая дорога и устроивалась по мѣстамъ дикимъ и по которымъ прежде не было никакого проѣзда.

Въ концѣ 22-го года я женился и весь 23-ій годъ прожилъ очень уединенно въ подмосковной тещи моей Н. Н. Шереметевой. Оба фонъ Визины были женаты и жили тоже въ своихъ подмосковныхъ, и я даже съ ними очень рѣдко видался. О томъ, что̀ дѣлалось въ Тульчинѣ, ни они, ни я почти ничего не знали. Лѣтомъ въ 23-мъ году, мнѣ случилось пріѣхать въ Москву не надолго; тутъ, познакомившись съ полковникомъ Копыловымъ, перешедшимъ изъ гвардейской артиллеріи на Кавказъ къ Ермолову, и видя его готовность дѣйствовать въ смыслѣ Тайнаго Общества, я принялъ его въ наше Общество. Черезъ

нѣсколько дней послѣ того заѣхалъ ко мнѣ Ив. Ан. фонъ Визинъ и пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ опредѣленный часъ, въ который онъ назначилъ свиданіе съ Бестужевымъ-Рюминымъ. Бестужевъ ему сказалъ, что онъ имѣетъ важное порученіе, отъ Сергѣя Муравьева и другихъ Южныхъ членовъ, передать тѣмъ изъ насъ, которыхъ застанетъ въ Москвѣ. Я зналъ этого Бестужева взбалмошнымъ и совершенно безтолковымъ мальчикомъ. Увидѣвъ меня, съ улыбкой на устахъ, онъ повторилъ мнѣ тоже, что̀ говорилъ прежде фонъ Визину. Я ему на это отвѣчалъ, что зная его, я никакъ не повѣрю, чтобъ Сергѣй Муравьевъ далъ какое-нибудь важное порученіе къ намъ, и объявилъ ему, что мы не войдемъ съ нимъ ни въ какія сношенія. Онъ на это улыбнулся также неразумно, какъ и въ первый разъ, и затѣмъ удалился. Послѣ оказалось, что онъ точно пріѣзжалъ отъ Сергѣя Муравьева съ предложеніемъ къ намъ вступить въ заговоръ, затѣваемый на Югѣ противъ императора. Странное существо былъ этотъ Бестужевъ-Рюминъ. Если про него нельзя было сказать, что онъ рѣшительно глупъ, то въ немъ безпрестанно проявлялось что-то похожее на недоумка. Въ обыкновенной жизни онъ безпре-

станно говорилъ самыя невыносимыя пошлости и на каждомъ шагу дѣлалъ самые непозволительные промахи. Выписанный вмѣстѣ съ другими изъ стараго семеновскаго полка, онъ попалъ въ полтавскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Тизенгаузенъ. Въ Кіевѣ Раевскіе, сыновья генерала, и Сергѣй Муравьевъ часто подымали его на смѣхъ. Матвѣй Муравьевъ однажды сталъ упрекать брата своего за поведеніе его съ Бестужевымъ, доказывая ему, что дурачить Бестужева, вмѣстѣ съ Раевскими, не пристойно. Сергѣй въ этомъ согласился, и чтобы загладить вину свою передъ юношей, прежнимъ своимъ сослуживцемъ, онъ особенно сталъ ласкать его. Бестужевъ привязался къ Сергѣю Муравьеву съ неограниченной преданностью; впослѣдствіи и Сергѣй Муравьевъ страстно полюбилъ его. Бестужевъ былъ принятъ на Югѣ въ Тайное Общество, въ которомъ въ это время происходило сильное броженье и требовались люди на все готовые. Тутъ Бестужевъ попалъ совершенно на свое мѣсто. Рѣшительный до безумія въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не ставилъ никогда въ расчетъ препятствій, какія могли встрѣтиться въ предпринятомъ имъ дѣлѣ и шелъ всегда впередъ безъ оглядки. Въ Кіевѣ, на контрактахъ, онъ нашелъ

возможность первый войти въ сношеніе съ варшавскимъ Тайнымъ Обществомъ. Узнавши черезъ прежняго своего сослуживца Тютчева о существованіи Тайнаго Общества соединенныхъ Славянъ, къ которому Тютчевъ принадлежалъ, и что начальникъ этого Тайнаго Общества артиллеріи поручикъ Петръ Борисовъ, Бестужевъ поспѣшилъ съ такимъ важнымъ открытіемъ къ Сергѣю Муравьеву, потомъ отправился въ 8-ю дивизію къ Борисову и уговорилъ его присоединиться съ своими Славянами къ Южному Тайному Обществу.

24-го и 25-го года я жилъ въ Жуковѣ, ни съ кѣмъ не видаясь, кромѣ Пассека, Мих. Муравьева и Левашевыхъ, и то довольно рѣдко по дальности между нами разстояніи. Я пристально занялся сельскимъ хозяйствомъ, и часть моихъ полей уже обработывалъ наемными людьми. Я могъ надѣяться, что при улучшеніи состоянія моихъ крестьянъ, они скоро найдутъ возможность платить мнѣ оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась-бы на покупку той земли, какою они пользовались, и что со временемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю. Въ концѣ 25-го года, я отправился съ моимъ семействомъ въ Москву и

прибылъ туда 8 Декабря. На пути я узналъ о кончинѣ императора Александра въ Таганрогѣ и о приносимой вездѣ присягѣ цесаревичу Константину Павловичу. Извѣстіе это меня болѣе смутило, нежели этого можно было ожидать. Теперь, съ горестнымъ чувствомъ, я представилъ бѣдственное положеніе Россіи подъ управленіемъ новаго царя. Конечно, послѣдніе годы царствованія императора Александра были жалкіе годы для Россіи; но онъ имѣлъ хоть за себя прошедшее; по вступленіи на престолъ, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, онъ усердно подвизался для блага своего отечества и благія его усилія по всѣмъ частямъ двинули Россію далеко впередъ. Цесаревичь же, славный наѣздникъ, первый фрунтовикъ во всей имперіи, ничего и никогда не хотѣлъ знать, кромѣ солдатиковъ. Всѣмъ былъ извѣстенъ его неистовый нравъ и дикій обычай. Чего-же можно было отъ него ожидать добраго для Россіи? Въ Москвѣ, кромѣ фонъ Визиныхъ и Ал. Шереметева, я нашелъ и много другихъ членовъ Тайнаго Общества: полковника Митькова, полковника Нарышкина, Семенова, служившаго въ канцеляріи князя Голыцына, Нелидинскаго, адъютанта цесаревича, и много другихъ. Мы иногда собирались или у фонъ Визиныхъ или у

Митькова. На этихъ совѣщаніяхъ всѣ присутствующіе члены, казалось, были очень одушевлены и какъ будто ожидали чего-то торжественнаго и рѣшительнаго. Нарышкинъ, недавно пріѣхавшій съ Юга, увѣрялъ, что тамъ все готово къ возстанію и что южные члены имѣютъ за себя огромное число штыковъ. Митьковъ съ своей стороны также увѣрялъ, что петербургскіе члены могутъ въ случаѣ нужды расчитывать на большую часть гвардейскихъ полковъ. 15 Декабря я цѣлый день былъ дома, и въ этотъ день никого не видѣлъ. Ал. Шереметевъ возвратился домой поздно ночью и сообщилъ мнѣ полученныя извѣстія объ отреченіи цесаревича, и что на мѣсто его взойдетъ на престолъ Николай Павловичъ; потомъ онъ разсказалъ мнѣ, что Семеновъ получилъ письмо отъ 12, въ которомъ Пущинъ писалъ къ нему, что они въ Петербургѣ рѣшились сами не присягать и не допустить гвардейскіе полки до присяги, вмѣстѣ съ тѣмъ Пущинъ предлагалъ членамъ, находившимся тогда въ Москвѣ, содѣйствовать петербургскимъ членамъ, на сколько это будетъ для нихъ возможно. Я очень удивился, что М. А. фонъ Визинъ не сообщилъ мнѣ въ теченіи дня такихъ важныхъ извѣстій. Причина тому была дворянскіе вы-

боры, на которыхъ онъ очень хлопоталъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Не смотря на то, что было уже за полночь, мы съ Алек. Шереметевымъ поѣхали къ фонъ Визинымъ; я его разбудилъ и уговорилъ его вмѣстѣ съ нами ѣхать къ полковнику Митькову, который казался мнѣ человѣкомъ весьма рѣшительнымъ; мы его также разбудили. Надо было опредѣлить, что мы могли сдѣлать въ Москвѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Я предложилъ фонъ Визину ѣхать тотчасъ-же домой, надѣть свой генеральскій мундиръ, потомъ отправиться въ Хамовническія казармы и поднять войска, въ нихъ квартирующія, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. Митькову я предложилъ ѣхать вмѣстѣ со мной къ полковнику Гурко, начальнику штаба 5 корпуса. Я съ нимъ былъ довольно хорошо знакомъ еще въ семеновскомъ полку и зналъ, что онъ принадлежалъ къ Союзу Благоденствія. Можно было надѣяться уговорить Гурко дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Тогда при отрядѣ войскъ, выведенныхъ фонъ Визинымъ, въ эту-же ночь мы бы арестовали корпуснаго командира графа Толстаго и градоначальника московскаго князя Голицына, а потомъ и другія лица, которыя могли-бы противудѣйствовать возстанію. Алекс. Шереметевъ, какъ адъютантъ

Толстаго, долженъ былъ ѣхать къ полкамъ, квартирующимъ въ окрестностяхъ Москвы и приказать имъ именемъ корпуснаго командира идти въ Москву. На походѣ Шереметевъ, полковникъ Нарышкинъ и нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ старомъ семеновскомъ полку, должны были приготовить войска къ возстанію и можно было надѣяться, что пришедши въ Москву, они присоединились-бы къ войскамъ уже возставшимъ. На другой день мы непремѣнно должны были получить извѣстіе о томъ, что совершилось въ Петербургѣ. Если-бы предпріятіе петербургскихъ членовъ удалось, то мы нашимъ содѣйствіемъ въ Москвѣ дополнили-бы ихъ успѣхъ; въ случаѣ-же неудачи въ Петербургѣ, мы нашей попыткой въ Москвѣ заключили-бы наше поприще, исполнивъ свои обязанности до конца и къ Тайному Обществу и къ своимъ товарищамъ. Мы бесѣдовали у Митькова до четырехъ часовъ по полуночи, и мои собесѣдники единогласно заключили, что мы четверо не имѣемъ никакого права приступить къ такому важному предпріятію. На завтрашній день вечеромъ назначено было всѣмъ съѣхаться у Митькова и пригласить на это совѣщаніе Михаила Орлова.

На другой день утромъ я сидѣлъ у фонъ Ви-

зина, когда вбѣжалъ къ нему человѣкъ съ извѣстіемъ, что великій князь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву въ открытыхъ саняхъ и прямо въѣхалъ въ домъ военнаго губернатора. Фонъ Визинъ былъ увѣренъ, что великій князь бѣжалъ изъ Петербурга, гдѣ все возстало противъ него. Оказалось, что прискакалъ въ открытыхъ саняхъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій съ приказаніемъ привести Москву къ присягѣ Николаю Павловиву. Новый императоръ собственноручно написалъ князю Голицыну: мы здѣсь только что потушили пожаръ, примите всѣ нужныя мѣры, чтобы у васъ не случилось чего-нибудь подобнаго. Въ тотъ-же день, когда собрались для принесенія присяги въ Успенскій соборъ, преосвященный Филаретъ вынесъ изъ алтаря небольшой золотой ящикъ и сказалъ, что въ этомъ ковчегѣ заключается залогъ будущаго счастья Россіи; потомъ открывъ ящикъ, онъ прочелъ духовное завѣщаніе покойнаго императора Александра Павловича, въ которомъ онъ назначилъ наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. При этомъ завѣщаніи было отреченіе цесаревича. Филаретъ его прочелъ! Послѣ чего всѣ бывшіе въ соборѣ принесли присягу импера-

тору Николаю Павловичу, а потомъ и вся Москва присягнула ему.

По утру фонъ Визинъ просилъ меня непремѣнно побывать у Орлова и привести его вечеромъ къ Митькову; я отправился къ нему подъ Донской. Всѣмъ уже были извѣстны происшествія 14 Декабря въ Петербургѣ; знали также, что всѣ дѣйствующія лица въ этомъ происшествіи сидѣли въ крѣпости. Пріѣхавъ къ Орлову, я сказалъ ему: Eh bien, general, tout est fini? Онъ протянулъ мнѣ руку и съ какой-то увѣренностью отвѣчалъ: Comment fini? Ce n'est que le commencement de la fin. Тутъ его позвали на верхъ къ графинѣ Орловой; онъ сказалъ, что воротится черезъ нѣсколько минутъ и просилъ меня непремѣнно дожидаться его. Во время его отсутствія взошелъ человѣкъ высокій, толстый, рыжій, въ изношенномъ адъютантскомъ мундирѣ безъ аксельбанта и вообще наружности непривлекательной. Я молчалъ, онъ также. Орловъ, возвратившись, сказалъ: А! Мухановъ, здравствуй; вы не знакомы?... и познакомилъ насъ. Пришлось протянуть руки рыжему человѣку. Ни Орловъ, ни я — мы никого не знали лично изъ членовъ дѣйствовавшихъ 14 Декабря. Мухановъ былъ со всѣми коротко знакомъ. Онъ намъ разсказы-

валъ подробности про каждаго изъ нихъ и наконецъ сказалъ: это ужасно лишиться такихъ товарищей; во чтобы ни стало, надо ихъ выручить: надо ѣхать въ Петербургъ и убить его. Орловъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Муханову, взялъ его за ухо и чмокнулъ его въ лобъ. Мнѣ казалось все это очень странно. Передъ приходомъ Муханова, я уговаривалъ Орлова поѣхать къ Митькову, гдѣ всѣ его ожидали. На это приглашеніе онъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ удовлетворить моему желанію, потому что онъ сказался больнымъ, чтобы не присягать сегодня; а между тѣмъ онъ былъ въ мундирѣ, звѣздѣ и лентѣ, и можно было подумать что онъ возвратился отъ присяги. Видя что съ нимъ не добиться никакого толку, я подошелъ къ нему и сказалъ, что такъ какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ сношенія мои съ нимъ могутъ подвергнуть его опасности, то чтобы успокоитъ его — я обѣщаюсь никогда не посѣщать его. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и обнялъ меня, но прежде чѣмъ мы разстались, онъ обратился къ Муханову и сказалъ: поѣзжай Мухановъ къ Митькову. Потомъ сказалъ мнѣ: везите его туда, имъ всѣ останутся довольны. Такое предложеніе меня ужасно удивило, и на этотъ разъ

я совершенно потерялся. Вмѣсто того, чтобы сказать Орлову откровенно, что я не могу везти Муханова, котораго я совершенно не знаю, къ Митькову, который его также не знаетъ, я вышелъ вмѣстѣ съ Мухановымъ, сѣлъ съ нимъ въ мои сани и повезъ его на совѣщаніе. Митьковъ принялъ его вѣжливо; Мухановъ почти никого не зналъ изъ присутствующихъ, но черезъ полчаса онъ уже разглагольствовалъ какъ будто былъ въ кругу самыхъ короткихъ своихъ пріятелей. Онъ былъ знакомъ съ Рылѣевымъ, Пущинымъ, Оболенскимъ, Ал. Бестужевымъ и многими другими петербургскими членами, принявшими участіе въ возстаніи. Всѣ слушали его со вниманіемъ; все это онъ опять заключилъ предложеніемъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы выручить изъ крѣпости товарищей и убить царя. Для этого онъ находилъ удобнымъ сдѣлать въ эфесѣ шпаги очень маленькій пистолетъ и на выходѣ, нагнувъ шпагу, выстрѣлить въ императора. Предложеніе самого предпріятія и способъ привести его въ исполненіе были такъ безумны, что присутствующіе слушали Муханова молча и безъ малѣйшаго возраженія. Въ вечеръ этотъ у Митькова собрались въ послѣдній разъ на совѣщаніе нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, су-

ществовавшаго почти 10 лѣтъ. Въ это время въ Петербургѣ все уже было кончено и въ Тульчинѣ начались аресты. Въ Москвѣ первый былъ арестованъ и отвезенъ въ петропавловскую крѣпость М. Орловъ, потомъ полковникъ Митьковъ и многіе другіе. Меня арестовали не раньше 10 Января 1826 года.

II.

Послѣ 14-го Декабря многіе изъ членовъ Тайнаго Общества были арестованы въ Петербургѣ; я оставался на свободѣ го 10-го Января. Въ этотъ день вечеромъ я спокойно пилъ дома чай; вдругъ вызвалъ меня полицмейстеръ Обрѣзковъ и объявилъ, что ему надобно переговорить со мной на единѣ. Я повелъ его къ себѣ въ комнату. Онъ потребовалъ отъ меня моихъ бумагъ. Я объявилъ ему, что у меня никакихъ бумагъ нѣтъ, а что еслибъ и были такія, которыя могли быть для него любопытны, то я бы имѣлъ все время ихъ сжечь. Я ожидалъ ареста и нарочно положилъ на столъ листокъ съ исчисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, надѣясь, что этотъ листокъ возьмутъ вмѣстѣ со мной, что онъ, можетъ быть, обратитъ на себя вниманіе и

правительства. Я предложилъ Обрѣзкову взять эти исчисленія, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что эти цифры ему нисколько не нужны. Послѣ этого онъ посовѣтовалъ мнѣ одѣться потеплѣе и пригласилъ ѣхать съ собой. — Къ отъѣзду у меня было уже все приготовлено заранѣе. Я зашелъ, въ сопровожденіи полицмейстера, проститься съ женой, сыномъ и тещей. Обрѣзковъ отвезъ меня къ оберъ-полицмейстеру Дмитрію Ивановичу Шульгину, который встрѣтилъ меня словами: „вы много повредили себѣ тѣмъ, что сожгли свои бумаги". Я отвѣчалъ, что не жегъ никакихъ бумагъ, но что ежели-бы имѣлъ опасныя для себя бумаги, то зная, что каждый день арестуются разныя лица, я имѣлъ бы все время сжечь ихъ. "Не можетъ быть, чтобъ у васъ не было какихъ *писменъ* (sic), сказалъ мнѣ на это Оберъ-полицмейстеръ, потому что васъ учили читать и писать; вы вѣрно получаете и какія-нибудь письма и отвѣчаете на нихъ." — У меня лежатъ на столѣ, сказалъ я ему, два письма, одно отъ сестры, другое изъ деревни отъ старосты. Шульгинъ съ радостью сказалъ мнѣ, что больше ничего и не нужно, и тотчасъ послалъ Обрѣзкова за этими письмами. Когда я остался вдвоемъ съ Шульгинымъ, мы разговорились съ нимъ, и онъ мнѣ

признался, что ему необходимо было хоть одно письмо, потому что въ бумагѣ, при которой должны были меня отправить и которая была подписана княземъ Голицынымъ, было сказано, что со мной отправляются найденныя у меня бумаги. Вскорѣ Обрѣзковъ возвратился съ письмами и сочиненіемъ Теэра, которое онъ будучи пьянъ, захватилъ у меня на столѣ.

Я былъ отправленъ въ Петербургъ съ частнымъ приставомъ, который и привезъ меня прямо въ главный штабъ. Тутъ какой-то адъютантъ повелъ меня къ Потапову. Потаповъ былъ очень вѣжливъ и отправилъ меня въ зимній дворецъ къ с.-петербургскому коменданту Башуцкому. Башуцкій распорядился и меня отвели въ одну изъ комнатъ нижняго этажа зимняго дворца. У дверей и окна поставлено было по солдату съ обнаженными саблями. Здѣсь провелъ я ночь и другой день. Вечеромъ повели меня на верхъ, и къ крайнему моему удивленію я очутился въ эрмитажѣ. Въ огромной залѣ, почти въ углу, на томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ портретъ Климента IX, стоялъ раскрытый ломберный столъ и за нимъ сидѣлъ въ мундирѣ генералъ Левашевъ. Онъ пригласилъ меня сѣсть противъ него и началъ вопросомъ: принадлежали ли вы Тайному Об-

ществу? Я отвѣчалъ утвердительно. Далѣе онъ спросилъ: какія вамъ извѣстны дѣйствія Тайнаго Общества, къ которому вы принадлежали? Я отвѣчалъ, что собственно дѣйствій Тайнаго Общества, я никакихъ не знаю.

— Милостивый государь, сказалъ мнѣ тогда Левашевъ, не думайте, чтобы намъ ничего не было извѣстно. Происшествія 14-го числа были только преждевременною вспышкою и вы должны были еще въ 1818 году нанести ударъ императору Александру. —

Это заставило меня призадуматься; я не полагалъ, чтобы совѣщаніе, бывшее въ 18-мъ году въ Москвѣ могло быть извѣстно.

— Я даже вамъ разскажу, продолжалъ Левашевъ, подробности намѣреваемаго вами цареубійства: изъ числа бывшихъ тогда на совѣщаніи вашихъ товарищей — на васъ палъ жребій.

— Ваше превосходительство, это не совсѣмъ справедливо: я вызвался самъ*) нанести ударъ императору и не хотѣлъ уступить этой чести никому изъ моихъ товарищей. —

---

*) Въ донесеніи сказано, что я вызвался на покушеніе, бывши терзаемъ страстью несчастной любви. Я имѣю всѣ причины думать, что это показаніе Никиты Муравьева, желавшаго такой сентиментальной фразой уменшить мою

Левашевъ сталъ записывать мои слова.

— Теперь, милостивый государь, продолжалъ онъ, неугодно-ли вамъ будетъ назвать тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые были на этомъ совѣщаніи.

— Этого я никакъ не могу сдѣлать, потому что вступая въ Тайное Общество, я далъ обѣщаніе никого не называть.

— Такъ васъ заставятъ назвать ихъ. Я приступаю къ обязанности судьи и скажу вамъ, что въ Россіи есть пытка.

— Очень благодаренъ вашему превосходительству за эту довѣренность; но долженъ вамъ сказать, что теперь еще болѣе, нежели прежде, я чувствую моею обязанностію никого не называть.

— Pour cette fois, je ne vous parle pas comme votre juge, mais comme un gentilhomme votre égal, et je ne conçois pas, pourquoi vous voulez être martyr pour des gens, qui vous ont trahi et vous ont nommé.

— Je ne suis pas ici pour juger la conduite de mes camarades, et je ne dois penser qu'à rem-

виновность передъ комитетомъ. Послѣ, когда я у него спрашивалъ объ этомъ, онъ всякій разъ смѣялся и отшучивался вмѣсто отвѣта.



plir les engagements, que j'ai pris en entrant dans la société !

— Всѣ ваши товарищи показываютъ, что цѣль Общества была замѣнить самодержавіе представительнымъ правленіемъ.

— Это можетъ быть, отвѣчалъ я.

— Что вы знаете про конституцію, которую предполагалось ввести въ Россію?

— Про это я рѣшительно ничего не знаю. —

Дѣйствительно, про конституцію Никиты Муравьева я не зналъ ничего въ то время и хотя въ бытность мою въ Тульчинѣ, Пестель и читалъ мнѣ отрывки изъ "Русской Правды", но сколько могу припомнить, объ образованіи волостныхъ и сельскихъ обществъ.

— Но какія-же были ваши дѣйствія по Обществу? — продолжалъ Левашевъ.

— Я всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи.

— Что-же вы можете сказать объ этомъ?

— То, что это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ или, въ противномъ случаѣ насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія.

— Но что же можетъ сдѣлать тутъ правительство?

— Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ.

— Это невозможно! Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами. —

Затѣмъ послѣдовало опять приглашеніе назвать членовъ Тайнаго Общества и, послѣ отказа, Левашевъ далъ мнѣ подписать измаранный имъ почтовый листокъ; я подписалъ его не читая — Левашевъ пригласилъ меня выйти. Я вышелъ въ ту залу, въ которой висѣла картина Сальватора Розы: "блудный сынъ". При допросѣ Левашева мнѣ было довольно легко и я во все время допроса любовался "святою фамиліей" Доминикина; но когда я вышелъ въ другую комнату, гдѣ ожидалъ меня фельдъ-егерь и когда остался съ нимъ вдвоемъ, то угрозы пытки въ первый разъ смутили меня. Минутъ черезъ десять дверь отворилась и Левашевъ сдѣлалъ мнѣ знакъ войти въ залу, въ которой былъ допросъ! — Возлѣ ломбернаго стола стоялъ новый императоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе и началъ такимъ образомъ:

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? проклятіе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но

что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ — должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Чтоже вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно, если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались какъ съ свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все-же что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству — отвѣтилъ я указывая на Левашева, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, я никого не могу. — Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ; „Заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ". —

Во время этого втораго допроса я былъ спокоенъ; я боялся сначала, что царь уничтожитъ меня, говоря умѣренно и съ участіемъ, что онъ нападетъ на слабыя и ребяческія стороны Общества, что онъ побѣдитъ великодушіемъ. Я былъ спокоенъ, потому что во время допроса былъ сильнѣе его; но когда по знаку Левашева я вы-

шелъ къ фельдъ-егерю, и фельдъ-егерь повезъ меня въ крѣпость, то мнѣ еще болѣе прежняго стала приходить мысль о пыткѣ; я былъ увѣренъ, что новый императоръ не произнесъ слова: "пытка" только потому, что считалъ это для себя непристойнымъ.

Фельдъ-егерь привезъ меня къ коменданту Сукину; его и меня привели въ небольшую комнату, въ которой была устроена церковь. Воображеніе мое было сильно поражено; прислуга, по случаю траура, одѣтая въ черное, предвѣщала что-то недоброе. Съ фельдъ-егеремъ просидѣлъ я съ полчаса; онъ по временамъ зѣвалъ, закрывая ротъ рукою, а я молилъ объ одномъ — чтобы Богъ далъ мнѣ силы перенести пытку. Наконецъ въ ближнихъ комнатахъ послышался звукъ желѣза и приближеніе многихъ людей. Впереди всѣхъ появился комендантъ съ своей деревянной ногой. Онъ подошелъ къ свѣчкѣ, поднесъ къ ней листокъ почтовой бумаги, и сказалъ съ разстановкой: "Государь приказалъ заковать тебя." На меня кинулось нѣсколько человѣкъ, посадили меня на стулъ и стали надѣвать ручныя и ножныя желѣза. Радость моя была невыразима; я былъ убѣжденъ, что надо мной совершилось чудо: желѣзы еще не совсѣмъ пытка. Меня передали

плацъ-адъютанту Трусову; онъ связалъ вмѣстѣ два конца своего носоваго платка, надѣлъ его мнѣ на голову и повезъ въ Алексѣевскій равелинъ. Переѣзжая подземный мостъ, я вспомнилъ знаменитый стихъ: "Оставьте всякую надежду вы, которые сюда входите." Про этотъ равелинъ говорили, что въ него сажаютъ только "забытыхъ," и что изъ него никто никогда не выходилъ. Изъ саней меня вынули солдаты, принадлежащіе къ командѣ Алексѣевскаго равелина и ввели меня въ 1-ой номеръ. Тутъ я увидѣлъ семидесяти лѣтняго старика, главнаго начальника равелина, подчиненнаго непосредственно императору. Съ меня сняли желѣза, раздѣли, надѣли толстую рубашку въ лохмотьяхъ и такія-же панталоны; потомъ комендантъ сталъ на колѣни, надѣлъ на меня снятыя желѣза, обернулъ наручники тряпкой и надѣлъ ихъ, спрашивая: "Мого-ли я такъ писать?" Я сказалъ, что могу. Послѣ этого комендантъ пожелалъ мнѣ доброй ночи, сказавъ: "Божья милость всѣхъ насъ спасетъ." Всѣ вышли, дверь затворилась и замокъ щелкнулъ два раза.

Комната, въ которую посадили меня, была 6 шаговъ длины и 4 ширины. Стѣны, послѣ наводненія 1824 года, были покрыты пятнами;

стекла были выкрашены бѣлой краской и внутри отъ нихъ была вдѣлана въ окно крѣпкая желѣзная рѣшетка. Около окна въ углу стояла кровать, на ней былъ тюфякъ и гошпитальное бумажное одѣяло. Возлѣ кровати стоялъ маленькій столикъ, на немъ кружка съ водою — на кружкѣ были вырѣзаны букву "А. Р." Въ другомъ углу, противъ кровати, была печь. Въ третьемъ углу, противъ печи, стольчакъ. Кромѣ того было еще два стула и на одномъ изъ нихъ ночникъ. Когда я остался одинъ, я былъ совершенно счастливъ: пытка миновалась на этотъ разъ. Я имѣлъ время собраться съ духомъ и даже спрашивалъ у себя, что̀ они думали произвести надо мной надѣтыми на меня желѣзами, которыя, какъ я узналъ послѣ вѣсили 23 фунта. Въ 9 часовъ принесли ужинать, при чемъ солдатъ, исполнявшій должность дворецкаго, каждый разъ очень вѣжливо кланялся. Не ѣвши болѣе двухъ сутокъ, я поѣлъ щей съ большимъ удовольствіемъ. Ходить по комнатѣ мнѣ было нельзя, потому что въ желѣзахъ это было неудобно, и я опасался, что звукъ желѣзъ произведетъ непріятное чувство въ сосѣдяхъ. Я легъ спать и спалъ-бы очень спокойно, ежели-бы порой не пробуждали меня наручники.

На другой день, по заведенному въ равелинѣ

порядку, по утру явился комендантъ равелина въ сопровожденіи унтеръ-офицера и ефрейтора. Онъ спросилъ объ моемъ здоровьѣ и отправился далѣе по казематамъ. Все утро я не вставалъ съ постели; часовъ въ 12 услышалъ я приближающіеся къ двери шаги и сдѣланный почти шопотомъ вопросъ: "Кто здѣсь сидитъ?" На этотъ вопросъ отвѣчано: „Дмитріевъ." Дверь растворилась и взошелъ рослый, старый и бѣлый какъ лунь, протопопъ петропавловскаго собора Стахій. Я съ ногами сидѣлъ на кровати. Онъ взялъ стулъ и, проговоривъ что-то на счетъ моего жалкаго положенія, сказалъ, что его прислалъ государь. За тѣмъ начался формальный допросъ и увѣщаніе:

— Всякій-ли годъ бываете у исповѣди и святаго причастія?

— Я не исповѣдывался и не причащался 15 лѣтъ.

— Конечно, это случилось, потому что вы были заняты обязанностями службы и не имѣли времени исполнить этого христіанскаго долга?

— Я уже восемъ лѣтъ какъ въ отставкѣ, и не исповѣдывался и не причащался, потому что не хотѣлъ исполнять это, какъ обрядъ, зная что въ Россіи болѣе, нежели гдѣ-нибудь оказываютъ

терпимость къ религіознымъ мнѣніямъ: словомъ, я не христіанинъ. —

Стахій увѣщевалъ меня какъ умѣлъ, и наконецъ напомнилъ о томъ, что ожидаетъ меня на томъ свѣтѣ.

— Ежели вы вѣрите въ божественное милосердіе, сказалъ я ему, то вы должны быть увѣрены, что мы всѣ будемъ прощены: и вы, и я, и мои судьи. —

Этотъ старикъ былъ добрый человѣкъ; онъ заплакалъ и сказалъ мнѣ, что ему очень жалко, что онъ не можетъ быть мнѣ полезенъ. Тѣмъ наше свиданіе и кончилось. Стахій вышелъ. Воображеніе мое разыгрывалось болѣе и болѣе и по временамъ доходило до какой-то восторженности; когда появился Стахій, онъ мнѣ напомнилъ собой инквизитора въ "Донъ-Карлосѣ," но послѣ разговора я узналъ въ немъ весьма простаго русскаго попа. Послѣ его ухода, вмѣсто обѣда, ефрейторъ съ обыкновенною вѣжливостію принесъ кусокъ чернаго хлѣба, за который я его поблагодарилъ также вѣжливо. Этотъ день прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній.

На третій день по утру (16 Января) взошелъ ко мнѣ съ обыкновенной свитой плацъ-адъютантъ Трусовъ. Кромѣ священника, всѣ

должны были входить въ каземать въ сопровожденіи ефрейтора и унтеръ-офицера. Трусовъ принесъ мою трубку и табакъ. Узнавши отъ меня, что они не принадлежатъ мнѣ — онъ унесъ ихъ назадъ. Въ то время я никакъ не догадался, что это было что-то въ родѣ искушенья. Въ тотъ-же день вечеромъ неожиданно распахнулись двери и ко мнѣ вошелъ еще болѣе рослый, чѣмъ Стахій, протопопъ казанскаго собора П. Н. Мысловскій. Пріемы его были совсѣмъ другіе; онъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня съ нѣжностію и просилъ, чтобы я переносилъ свое положеніе съ терпѣніемъ и чтобы я помнилъ, какъ страдали Апостолы и первые Отцы церкви.

— Батюшка, спросилъ я его, вы пришли ко мнѣ по порученію правительства? —

Это его нѣсколько озадачило.

— Конечно, безъ позволенія правительства я не могъ-бы посѣтить васъ, отвѣчалъ онъ; но въ вашемъ положеніи вы бы, вѣроятно, обрадовались, ежели-бы какимъ-нибудь образомъ забѣжала къ вамъ даже собака, и потому я полагалъ, что мое посѣщеніе не можетъ быть излишне.

— Конечно, въ моемъ положеніи посѣщеніе человѣка, который-бы пришелъ ко мнѣ побесѣдовать, могло быть для меня очень пріятно; но вы

священникъ, и поэтому я почитаю своею обязанностью на первый разъ нашего знакомства объясниться съ вами откровенно. Какъ священникъ вы не можете доставить мнѣ никакаго утѣшенья, тогда какъ для нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей посѣщенія ваши могутъ быть очень утѣшительны, и вы можете облегчить ихъ положеніе.

— Мнѣ нѣтъ дѣла, отвѣчалъ Мысловскій, какой вы вѣры; я знаю только, что вы страдаете, и очень буду счастливъ, ежели мои посѣщенія не какъ священника, а какъ человѣка могутъ быть для васъ хоть сколько-нибудь пріятны. —

Послѣ такого объясненія, я подалъ ему руку и поблагодарилъ его.

Онъ являлся ко мнѣ потомъ всякій день и въ нашихъ разговорахъ не было и рѣчи о религіи. Велъ себя онъ со мной просто и безъ малѣйшихъ фразъ. Пройдя пѣшкомъ отъ казанскаго собора до крѣпости и обойдя много казематовъ, онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ ломоть рѣшетнаго хлѣба, запивая его славной невской водой, которую впослѣдствіи мы называли нашимъ шампанскимъ.

Кажется, на 7-ой день моего пребыванія въ равелинѣ, я услышалъ очень явственно шаги двухъ человѣкъ, подходившихъ къ моей двери. Въ двери было небольшое стекляное окошко,

изнутри загороженное желѣзной рѣшеткой, а снаружи закрытое зеленымъ фланелевымъ мѣшкомъ. Обыкновенно часовые подходили къ этому окну въ валеныхъ башмакахъ и едва раздвигали мѣшокъ, чтобы осмотрѣть каземать, такъ что почти никогда нельзя было замѣтить ихъ приближенья и осмотра. На этотъ разъ весь мѣшокъ былъ поднятъ и я могъ явственно видѣть усъ и часть лица Левашева, который сказалъ кому-то: Celui-ci a les vers aux bras et aux pieds. Меня увѣряли впослѣдствіи, что другой былъ царь, что̀ не совсѣмъ вѣроятно, но очень можетъ быть, что это былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ этотъ вечеръ, черезъ три номера отъ меня, противъ обыкновенной тишины въ равелинѣ происходилъ довольно долго продолжавшійся шумъ. Я узналъ отъ Мысловскаго, что въ эту ночь вынесли изъ равелина несчастнаго Булатова полоумнаго и полуживаго. Впродолженіи 8 дней ни ласки, ни угрозы не могли заставить его съѣсть что-нибудь. Его отвезли въ сухопутный гошпиталь, гдѣ онъ на другой или на третій день умеръ. Передъ смертію ему было дозволено свиданіе съ двумя малолѣтними дочерями, страстно имъ любимыми. Дочери не узнали его и убѣжали отъ него съ ужасомъ.

На другой день вечеромъ послѣ того, какъ всѣ двери были уже заперты, взошелъ ко мнѣ тихо ефрейторъ и подалъ мнѣ крупитчатую булку; онъ просилъ меня отъ имени офицера непремѣнно съѣсть ее всю, потому что если на другое утро найдутъ у меня хоть кусочекъ отъ этой булки, то офицеру можетъ быть за это худо. Я, со своей стороны, просилъ ефрейтора унести булку, но онъ оставилъ ее на столѣ и ушелъ. Мнѣ ничего другаго не оставалось, какъ съѣсть ее, хоть ѣсть мнѣ вовсе не хотѣлось. Послѣдствіемъ такой любезности со стороны офицера было то, что у меня сдѣлались жестокія спазмы въ желудкѣ; я простоналъ цѣлую ночь и только утромъ меня облегчила сильная рвота.

При обыкновенномъ утреннемъ посѣщеніи явился ко мнѣ крѣпостной докторъ и спросилъ меня о моемъ здоровьѣ. Я сказалъ, что у меня были спазмы, но что мнѣ теперь лучше. Онъ совѣтывалъ мнѣ воздерживаться отъ сухой пищи, на что я ему отвѣчалъ, что я всегда заливаю хлѣбъ водой. Часа черезъ два взошелъ ко мнѣ петропавловскій комендантъ Сукинъ; изъявивъ предварительно сожалѣнье о моемъ положеніи, онъ со слезами на глазахъ просилъ меня сжалиться надъ собой и назвать всѣхъ своихъ това-

рищей. Я отвѣчалъ ему, что назвать своихъ товарищей ни для него, ни для кого на свѣтѣ я не могу. Впрочемъ я былъ тронутъ слезами старика и мнѣ было жаль, что я не имѣлъ возможности сдѣлать ему пріятнаго. Онъ много распространился о томъ, какой у насъ добрый царь, и назвалъ его даже ангеломъ. Я отвѣчалъ ему: дай Богъ, чтобы это было правда.

— Вы затѣяли пустое, говорилъ онъ, Россія обширный край, который можетъ управляться только самодержавнымъ царемъ. Если-бы даже и удалось 14-ое, то за нимъ послѣдовало-бы столько безпорядковъ, что едва-ли черезъ 10 лѣтъ все пришло-бы въ порядокъ.

— Мы никогда и не предполагали, отвѣчалъ я ему, устроить все съ перваго разу. —

Во все это время я сидѣлъ съ ногами на кровати, а старикъ стоялъ передо мной на своей деревянной ногѣ. Окончивъ свои разсужденія, онъ сказалъ: "Несмотря на ваше упорство, я велю вамъ дать обѣдать. А такъ какъ вы давно не употребляли скоромной пищи, то я велю прежде напоить васъ чаемъ." Я увѣрялъ его, что это нисколько не нужно, но онъ не слушая меня повторилъ еще разъ, что велитъ напоить меня чаемъ и принести мнѣ обѣдать. Въ этотъ-же

день мнѣ дали очень жидкаго чаю и щей съ говядиной, которыхъ я почти не ѣлъ. Когда вечеромъ пришелъ ко мнѣ Мысловскій, я разсказалъ ему все бывшее между мной и комендантомъ и чистосердечно отозвался объ немъ, какъ о весьма добромъ человѣкѣ. На это Мысловскій замѣтилъ, что главная доброта коменданта состоитъ въ желаніи, чтобы я не умеръ отъ сухой ѣды, какъ умеръ Булатовъ отъ голоду, и что вообще члены слѣдственной коммиссіи очень хлопочутъ о томъ, чтобы никто изъ насъ не умеръ до окончанія дѣла.

Я понялъ, что въ этихъ словахъ много правды.

На другой день зашелъ ко мнѣ Трусовъ и объявилъ мнѣ отъ имени коменданта, что я такъ упрямъ, что его превосходительство никогда болѣе не придетъ ко мнѣ.

Мнѣ часто приходили на умъ жена и сынъ, но какъ такія мысли не были утѣшительны въ моемъ положеніи, то я отгонялъ ихъ отъ себя.

Въ первыхъ числахъ Февраля, Трусовъ принесъ мнѣ письмо отъ жены, въ которомъ она извѣщала, что она благополучно родила сына, и что она и дѣти здоровы. Прочтя это письмо, я чуть не сошелъ съ ума; я такъ былъ счастливъ,

что бросился къ двери, стучалъ кулакомъ и требовалъ къ себѣ офицера. Намѣреніе мое было потребовать бумаги и перо и изъявить за мое счастье искреннюю благодарность царю, приславшему мнѣ письмо. Въ это время офицера не было въ равелинѣ, и письмо мое осталось не написаннымъ. Я былъ совершенно покоенъ, не имѣя болѣе надобности отгонять отъ себя мысли о семействѣ, и считалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ во всемъ Петербургѣ. Послѣ ужина я долго не могъ уснуть, и только что началъ дремать, дверь съ шумомъ растворилась и Трусовъ вошелъ ко мнѣ съ обыкновенной свитой. Мнѣ принесли мое платье и шубу, сняли съ меня желѣза, и когда я одѣлся, то надѣли ихъ опять. Трусовъ взялъ у офицера 4 ключа отъ моихъ замковъ. По его совѣту я сдѣлалъ изъ носоваго платка подвязку посредствомъ которой держалъ ножныя желѣза. Трусовъ накинулъ мнѣ на голову свой носовой платокъ и повезъ меня въ домъ къ коменданту. Тутъ изъ рукъ его кто-то принялъ меня и посадилъ за ширмы, не смотря на которыя и на платокъ, я могъ видѣть прислугу, носившую блюда въ боковую комнату. Около полуночи меня взяли за руку и повели въ тѣ комнаты, въ которыхъ передъ этимъ ужинали.

Въ первой изъ этихъ комнатъ я ничего не могъ видѣть сквозь платокъ, кромѣ множества свѣчей и столовъ, за которыми сидѣли люди и писали. Изъ этой комнаты меня привели въ довольно большую залу, также очень ярко освѣщенную. Руку мою опустили, я остановился и съ меня зняли платокъ. Я стоялъ посреди комнаты, шагахъ въ 10 отъ меня стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На крайнемъ концѣ его сидѣлъ предсѣдатель слѣдственной коммиссіи Татищевъ, рядомъ съ нимъ великій князь Михаилъ Павловичъ; съ боку отъ Татищева сидѣли князь Голицынъ (Александръ Николаевичъ) и Дибичъ; 3-ій стулъ былъ порожній (Левашева), 4-ое мѣсто занималъ Чернышевъ. По другую сторону стола около великаго князя сидѣлъ Голенищевъ-Кутузовъ, потомъ Бенкендорфъ, Потаповъ и полковникъ флигель-адъютантъ Адлербергъ, который, не будучи членомъ коммиссіи, записывалъ все сколько-нибудь важное, чтобы тотчасъ доставлять императору свѣденія о ходѣ дѣла. Когда сняли съ меня платокъ, съ минуту во всей комнатѣ продолжалось молчаніе. Наконецъ Чернышевъ махнулъ мнѣ пальцемъ и весьма торжественнымъ голосомъ сказалъ: "приближтесь." Подходя къ

столу, я нарушилъ моими цѣпями тишину въ комнатѣ. Начался опять формальный допросъ.

Чернышевъ спросилъ у меня: всякій-ли годъ я бываю на исповѣди и у св. причастія? Я отвѣчалъ ему тоже, что Стахію.

— Присягали-ли вы императору Николаю Павловичу?

— Нѣтъ, не присягалъ.

— Почему-же вы не присягали?

— Я не присягалъ потому, что присяга происходитъ съ такими обрядами и съ такою клятвою, что я считалъ ее для себя неприличною, тѣмъ болѣе что я нисколько не вѣрю святости такой клятвы. —

Только при появленіи моемъ въ комитетѣ я вполнѣ понялъ, что доставивши мнѣ письмо отъ жены, меня хотѣли поймать въ ловушку; я смотрѣлъ на всѣхъ членовъ коммиссіи съ какимъ-то омерзѣніемъ.

Чернышевъ просилъ меня назвать членовъ Тайнаго Общества, но я отвѣчалъ ему тоже, что и Левашеву.

— Что-же можетъ васъ заставлять такъ сильно упорствовать въ этомъ случаѣ? спросилъ Чернышевъ.

— Я уже сказалъ, что далъ слово не называть никого.

— Вы хотите спасти вашихъ товарищей, но это вамъ не удастся.

— Еслибъ я думалъ о спасеніи кого-нибудь, то вѣроятно постарался-бы спасти себя и не разсказалъ-бы того, что̀ разсказалъ генералу Левашеву.

— Себя, милостивый государь, вы спасти не можете. Комитетъ долженъ вамъ объявить, что ежели онъ спрашиваетъ у васъ имена вашихъ товарищей, то единственно потому, что желаетъ доставить вамъ возможность облегчить свою судьбу. И такъ какъ вы упорствуете, то комитетъ назоветъ вамъ всѣхъ членовъ Тайнаго Общества, бывшихъ въ 1818 году на совѣщаніи, на которомъ рѣшено было убить покойнаго императора. Тутъ были: Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Лунинъ, фонъ Визинъ, и Шаховской. Иные изъ вашихъ товарищей показываютъ, что на васъ палъ жребій нанести ударъ императору, а другіе-что вы сами вызвались на это.

— Послѣднее показаніе справедливо, и я точно вызвался самъ.

— Какое ужасное положеніе, сказалъ князь

Голицынъ, имѣть душу, обремененную такою грѣховностью! Былъ-ли у васъ священникъ?

— Да, священникъ приходилъ ко мнѣ. —

Въ это время, дремавшій прежде, Кутузовъ проснулся и, съ просонья не разобравъ въ чемъ дѣло, воскликнулъ: какъ, онъ и попа не хотѣлъ пустить къ себѣ?

Голицынъ его успокоилъ, сказавши, что у меня былъ священникъ.

Когда я объявилъ на вопросъ одного изъ членовъ, что я совсѣмъ не православный христіанинъ, то Дибичъ (лютеранинъ) воскликнулъ: такъ, мы умнѣе нашихъ предковъ; гдѣ-же намъ вѣрить и дѣйствовать, какъ вѣрили и дѣйствовали отцы наши.

— Сначала вы были, продолжалъ допросъ Чернышевъ, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ; что-же заставило васъ удалиться отъ Общества?

— По полученіи письма отъ Трубецкова, которое всѣхъ насъ такъ встревожило, и послѣ общаго мнѣнія, что Россія не можетъ быть болѣе несчастною, какъ подъ управленіемъ императора Александра, я объявилъ, что въ этомъ случаѣ каждый долженъ дѣйствовать отдѣльно по своей совѣсти, а не такъ какъ членъ Тайнаго Общества,



— и сказалъ, что я рѣшился убить императора. Въ тотъ вечеръ, въ который было это совѣщаніе, никто не сопротивлялся моему намѣренію; на другой день вечеромъ собрались всѣ тѣ-же члены и умоляли меня не приводить въ исполненіе моего намѣренія: но я сказалъ имъ, что они не имѣютъ никакого права препятствовать мнѣ, что я буду дѣйствовать совершенно независимо отъ Тайнаго Общества, и что пикакъ не могу отказаться совершить то, что они вчера сами находили необходимымъ. Послѣ упорныхъ, нѣсколько разъ повторенныхъ просьбъ отложить намѣреніе, которое по ихъ мнѣнію могло погубить всѣхъ, я согласился и сказалъ, что не принадлежу болѣе къ ихъ Обществу, потому что они или возбудили меня вчера къ самому ужасному преступленію, или сегодня лишаютъ возможности совершить самое прекрасное дѣло, какое только возможно для человѣка истинно любящаго Россію.

— Не было-ли кого, спросилъ Чернышевъ, кто-бы при самомъ началѣ уговаривалъ васъ отказаться отъ вашего намѣренія?

— Точно; Михайло фонъ Визинъ, съ которымъ я жилъ въ то время вмѣстѣ, уговаривалъ меня въ продолженіи всей ночи. Я назвалъ фонъ Визина, думая, что мое показаніе можетъ быть

ему полезно. По окончаніи этого допроса мнѣ опять пришла мысль о пыткѣ, и я былъ почти убѣжденъ, что на этотъ разъ мнѣ ее не миновать; но къ крайнему моему удивленію Чернышевъ, очень грозно смотрѣвшій на меня во время допроса, взглянулъ улыбаясь на великаго князя Михаила Павловича и потомъ сказалъ мнѣ довольно кротко, что мнѣ зададутся вопросы письменно, и что я долженъ буду отвѣчать также письменно.

Мнѣ надѣли на глаза платокъ и отвезли обратно въ равелинъ.

На другой день утромъ Трусовъ привезъ мнѣ письменные вопросы отъ комитета. Вопросы были тѣ-же самые, которые мнѣ предлагались изустно наканунѣ. Тутъ опять былъ отдыхъ. Я хорошо зналъ, что пока я буду писать отвѣты, меня оставятъ въ покоѣ. Мнѣ дали перо и чернилицу и я писалъ отвѣты, медленно — кажется дней 10. Въ продолженіи этого времени Трусовъ заходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, чтобы спросить, кончилъ-ли я. На все я отвѣчалъ тоже, что̀ и въ комитетѣ; но когда мнѣ пришлось отвѣчать на вопросъ, кто извѣстенъ мнѣ изъ членовъ Тайнаго Общества, то меня взяло раздумье. Кромѣ тѣхъ лицъ, которыхъ мнѣ назвалъ комитетъ, мнѣ-бы

пришлось назвать очень немногихъ, и назвавши этихъ немногихъ, я не подвергалъ-бы почти никакой опасности, потому что одни изъ нихъ были за границей, другіе слишкомъ мало принимали участія въ дѣлахъ Общества. Тутъ мнѣ представилось, что я разыгрываю роль Донъ-Кихота, вышедшаго съ обнаженной шпагою противъ льва, который, увидавши его, зѣвнулъ, отвернулся и спокойно улегся. Тутъ мнѣ представилось мое семейство, соединеніе съ которымъ я дѣлалъ невозможнымъ и можетъ быть изъ пустаго тщеславія. Въ это время Мысловскій по прежнему посѣщалъ меня ежедневно; мы съ нимъ очень сблизились; онъ мнѣ приносилъ письма отъ моихъ. Подосланный правительствомъ, онъ совершенно перешелъ на нашу сторону. Сначала я рѣшительно не хотѣлъ читать принесенныхъ имъ писемъ, опасаясь, чтобы изъ этого не вышло бѣды для него; но онъ ужасно этимъ обидѣлся и сказалъ мнѣ, что онъ никогда не сочтетъ преступленіемъ служить ближнему, который находится въ такомъ положеніи, какъ я. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ такъ ловко и рѣшительно, что я наконецъ за него успокоился и черезъ него переписывался съ своими. Бывши въ раздумьи — назвать мнѣ или нѣтъ извѣстныхъ мнѣ чле-

новъ Тайнаго Общества, я попросилъ совѣта у Мысловскаго. Можно было подумать, что онъ только и ждалъ этого вопроса. Онъ отвѣчалъ мнѣ и даже нѣсколько торжественно, что я веду себя не совсѣмъ благородно, и тогда какъ всѣ признались, я моимъ упорствомъ могу только замедлить ходъ дѣла въ комитетѣ. На что я могъ ему отвѣтить только: "Такъ и вы батюшка, тоже противъ меня; я этого не ожидалъ отъ васъ." При этихъ словахъ онъ бросился меня обнимать и сказалъ: "Любезный другъ, поступайте по совѣсти и какъ Богъ вамъ внушитъ".

Я наконецъ отправилъ мои отвѣты, не назвавши никого; но я самъ чувствовалъ, что прежнее намѣреніе мое не называть никого слабѣло съ каждымъ часомъ. Тюрьма, желѣза и другаго рода истязанья произвели свое дѣйствіе, они развратили меня. — Отсюда начался цѣлый рядъ сѣлокъ съ самимъ собой, цѣлый рядъ придуманныхъ мною-же софизмовъ. Я старался себя увѣрить, что назвавши извѣстныхъ мнѣ членовъ Тайнаго Общества, я никому не могу повредить, но многимъ могу быть полезенъ своими показаніями.

Отославши отвѣты, въ которыхъ я никого не назвалъ, на другой день я потребовалъ пера и

бумаги и написалъ въ комитетъ, что я наконецъ убѣдился, что не называя никого я лишаю себя возможности быть полезнымъ для тѣхъ, которые бы сослались на меня для своеге оправданія. Это былъ первый шагъ въ тюремномъ развратѣ.

Разумѣется, я тотчасъ-же получилъ вопросные пункты, на которые я такъ долго отказывался отвѣчать. Я назвалъ тѣ лица, которыя самъ комитетъ назвалъ мнѣ и еще два лица: генерала Пассека, принятаго мною въ Общество и П. Чаадаева. Первый умеръ въ 1825 году; второй былъ въ это время за границей. Для обоихъ судъ былъ не страшенъ.

Послѣ этого я оставался долго забытымъ.

Наступилъ великій постъ; у меня спросили, что я буду ѣсть: постное или скоромное. Я отвѣчалъ, что мнѣ все равно, и меня цѣлый постъ кормили щами со снятками. Мысловскій по прежнему навѣщалъ меня, но никогда не заводилъ со мной религіознаго разговора. Однажды мнѣ случилось сказать ему почему-то, что правительство дѣйствительно ничего не требуетъ, но что многихъ людей, которые были крещены въ православной вѣрѣ и которые оказались впослѣдствіи не православными, ссылали въ Соловку, или другіе монастыри на заключеніе.

Этими словами Мысловскій отворилъ мнѣ еще одинъ выходъ къ соблазну. Я началъ разсуждать очень основательно, что ежели правительство требуетъ отъ православныхъ, чтобы они всегда оставались православными, то слѣдовательно оно требуетъ только одного соблюденія обрядовъ. На шестой недѣлѣ поста я прямо сказалъ Мысловскому, что я желаю исповѣдаться и причаститься — "Любезный другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я самъ давно хотѣлъ предложить вамъ это, но зная васъ никакъ не смѣлъ". — Было положено, что онъ прійдетъ ко мнѣ въ вербное воскресенье съ дарами, и въ самомъ дѣлѣ въ этотъ день онъ явился ко мнѣ въ эпитрахили. Онъ хотѣлъ было начать формальностью, но я прямо сказалъ, что онъ знаетъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Послѣ этого онъ только спросилъ у меня: вѣрю-ли я Богу? Я отвѣчалъ утвердительно. Онъ пробормоталъ про себя какую-то молитву и причастилъ меня. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ день былъ для казанскаго протопопа днемъ великаго торжества. Въ моемъ казематѣ онъ велъ себя, какъ самый простой, очень не глупый и весьма добрый человѣкъ, но за то, внѣ стѣнъ крѣпости, онъ велъ свои дѣла не совсѣмъ для себя безвыгодно. Онъ не могъ удержаться отъ искушенія и разсказалъ

всѣмъ, что онъ обратилъ въ христіанство самаго упорнаго безбожника.

Въ вербное воскресенье вечеромъ, когда я уже началъ засыпать, часовъ въ 10, взошелъ ко мнѣ обыкновеннымъ порядкомъ плацъ-маіоръ Подушкинъ; онъ развернулъ бумагу и прочелъ при всѣхъ присутствующихъ, что государь императоръ приказалъ снять съ меня оковы. Съ меня сняли ножныя кандалы, послѣ чего Подушкинъ объявилъ, что ручныя останутся на мнѣ. Первое время мнѣ было не ловко безъ ножныхъ оковъ; я былъ обезсиленъ долгимъ содержаніемъ, и наручники иногда совершенно перевѣшивали меня впередъ. Въ свѣтлое воскресенье вечеромъ, также въ 10 часовъ, посѣщеніе Подушкина повторилось, и онъ опять по прежнему произнесъ, что императоръ велѣлъ снять съ меня наручники. Послѣ этого цѣлый мѣсяцъ меня не тревожили, время тянулось съ страшною медленностію, но не безъ радостныхъ минутъ. Когда я жилъ въ Москвѣ теща моя Н. Н. Шереметьева требовала отъ меня, чтобы я каждое воскресенье обѣдалъ у ея брата И. Н. Тютчева, отца Ѳ. И Тютчева и Д. И., вышедшей за Сушкова. За этими обѣдами я проводилъ самыя скучныя минуты въ моей жизни, но отказаться отъ нихъ было невозможно

это было-бы ужасное огорченье для Н. Н. Шереметьевой. Когда въ воскресенье солдатъ приносилъ мнѣ крѣпостныхъ щей, я всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ, что не пойду обѣдать къ Тютчевымъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ я неожиданно получилъ новый вопросъ изъ комитета о томъ, въ чемъ состоялъ разговоръ полковника Митькова съ Мухановымъ по полученіи извѣстія о 14 Декабря? Я совершенно пропалъ. Въ этомъ разговорѣ Мухановъ предлагалъ ѣхать въ Петербургъ и убить императора. Сказать, что я не былъ при этомъ разговорѣ, было невозможно. Мнѣ-бы могли доказать, что я лгу, и потомъ можетъ быть не повѣрили-бы, еслибъ я сказалъ что-нибудь въ пользу Муханова. Я видѣлъ Муханова только одинъ разъ у Михаила Орлова, онъ вызвался и у него убить императора. Услышавъ этотъ вызовъ, М. Орловъ взялъ его за ухо и поцѣловалъ за такое намѣреніе въ лобъ. Потомъ Орловъ просилъ меня отвести Муханова къ Митькову.

Мнѣ показалась одна возможность спасти Муханова: описать мое свиданіе съ нимъ у Орлова и Митькова, не показывая разумѣется, что Орловъ цѣловалъ его; но описать то что по словамъ Муханова я былъ увѣренъ, что онъ ни-

когда не принадлежалъ къ Тайному Обществу, и потому въ моихъ показаніяхъ не назвалъ его, что многорѣчивый вызовъ его отправиться въ Петербургъ всѣ присутствующіе выслушали какъ пустую болтовню, и на нее никто не обратилъ вниманія. Отправивъ такой отзывъ въ комитетъ, я нисколько не успокоился; а чувствовалъ, что я былъ, хотя и невинной причиной, можетъ быть, совершенной гибели Муханова. Положеніе мое было ужасное, это были минуты самыя тяжелыя изъ всѣхъ лѣтъ моего заточенія. Я рѣшился написать къ императору и разсказать въ письмѣ все, что уже отвѣчалъ въ комитетѣ и объяснить ему какимъ образомъ Мухановъ черезъ меня попалъ къ Митькову. Я просилъ наложить на меня какое угодно наказанье, но избавить Муханова отъ отвѣтственности въ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ одной болтовней. *)

На другой день меня повезли въ комитетъ. За краснымъ столомъ сидѣлъ одинъ Чернышевъ. Онъ торжественно прочелъ мнѣ мое показаніе,

---

*) Не могу навѣрное утверждать, что это письмо имѣло хорошее послѣдствіе для Муханова. Но наказаніе для него, можетъ быть и независимо отъ моего письма, было значительно смягчено.



написанное не моею рукою и въ которомъ еще больше было сказано въ пользу М. Орлова, чѣмъ сколько сказалъ я. Онъ спросилъ меня потомъ, готовъ-ли я подтвердить мое показаніе? Я отвѣчалъ, что подтверждаю его.

— Ваша священная обязанность всегда говорить истину, сказалъ онъ. —

Послѣ этого меня вывели въ другую комнату, изъ которой я слышалъ разговоръ Чернышева съ Мухановымъ.

Это была страшная для меня минута. Я ожидалъ, какъ пытки, очной ставки съ Мухановымъ и вздохнулъ свободно только тогда, когда по прочтеніи моего показанія Мухановъ сказалъ: "Я не запираюсь, что я говорилъ вздоръ, но намѣренье совершить преступленье я никогда не имѣлъ."

Меня отвели въ равелинъ, и съ этихъ поръ меня не тревожили до окончанія слѣдствія.

Когда слѣдственная коммиссія поднесла свое донесеніе императору, все дѣло поступило въ верховный уголовный судъ.

Во время суда мнѣ дозволены были свиданія съ Н. Н. Шереметьевой, а потомъ съ женою и сыновьями. Съ наступленіемъ лѣта всѣхъ содержащихся въ равелинѣ поочередно пускали гулять

въ маленькой трехугольный садикъ, находящійся внутри равелина. Въ этомъ саду есть могила: Здѣсь, по крѣпостному преданію, похоронена княжна Тараканова, дочь императрицы Елизаветы Петровны и Разумовскаго, предательски увезенная графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ изъ Италіи. По прибытіи въ Россію княжна Тараканова была посажена въ равелинъ; она утонула къ казематѣ во время наводненія, бывшаго въ семидесятыхъ годахъ.

Въ началѣ Іюля меня повели въ домъ коменданта. Я уже зналъ черезъ Мысловскаго, что насъ позовутъ въ верховный уголовный судъ для свидѣтельства всѣхъ нашихъ показаній. Меня привели въ небольшую комнату, гдѣ за столомъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ бывшій министръ в. д., князь Ал. Бор. Куракинъ; на право и на лѣво отъ него сидѣло еще человѣкъ 6, членовъ суда. Бенкендорфъ присутствовалъ, какъ депутать отъ комитета.

Сенаторъ Барановъ очень вѣжливо предложилъ пересмотрѣлъ лежащія передъ нимъ бумаги и спросилъ — "мои-ли это показанія?" Прочесть всѣ эти бумаги было невозможно въ короткое время, да и къ тому-жъ я очень понималъ, что меня не затѣмъ призвали, потому что 121 подсу-

димыхъ должны были въ одни или не болѣе какъ въ двое сутокъ повѣрить всѣ свои показанія и бумаги. Я перелиставалъ кое-какъ бумаги, которыхъ Барановъ даже не выпускалъ во все время изъ рукъ, и видѣлъ на иныхъ листахъ свой почеркъ, на другихъ почеркъ мнѣ совершенно незнакомый. Барановъ предложилъ мнѣ что-то подписать, и я подписалъ его листокъ, не читая. Въ этомъ случаѣ верховный уголовный судъ хотѣлъ сохранить ежели не самую форму, требуемую въ судебныхъ мѣстахъ, то по крайней мѣрѣ хоть тѣнь этой формы.

15 Іюля, часу въ 1-мъ, меня опять повели въ домъ коменданта, и на этотъ разъ я очень былъ удивленъ, когда Трусовъ, приведя меня въ одну проходную комнату, исчезъ, и я очутился съ глаза на глазъ съ Никитой и Матвѣемъ Муравьевыми и Волконскимъ. Тутъ было еще два лица, мнѣ незнакомыя. Одно въ адъютантскомъ мундирѣ — это былъ Александръ Бестужевъ (Марлинскій); другое въ самомъ смѣшномъ нарядѣ, какой только можно себѣ представить — это былъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ (издатель *Мнемозины*). Онъ былъ въ той-же одеждѣ, въ которой его взяли при входѣ въ Варшаву — въ изорванномъ тулупѣ и теплыхъ сапогахъ. Сви-

даніе съ Муравьевыми и въ особенности разговоръ съ Никитой были для меня истиннымъ наслажденіемъ. Матвѣй былъ мраченъ; онъ предчувствовалъ, что ожидало его брата. Кромѣ Матвѣя, никто не былъ мраченъ. О себѣ я не могъ судить — похудѣлъ-ли я во время 6-мѣсячнаго заключенія, но я былъ истинно пораженъ худобой не только присутствующихъ товарищей, но и всѣхъ подсудимыхъ, которыхъ проводили черезъ нашу комнату. Вскорѣ явился Мысловскій, отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: "Вы услышите о смертномъ приговорѣ — не вѣрьте, чтобы совершилась казнь."

Нѣкоторое время мы оставались въ шестеромъ въ нашей комнатѣ; потомъ Трусовъ провелъ насъ черезъ рядъ пустыхъ комнатъ, и мы прошли въ Верховный Уголовный Судъ.

Митрополиты, архіереи, члены государственнаго совѣта и генералы сидѣли за краснымъ столомъ; за ними стоялъ сенатъ. Всѣ были обращены лицемъ къ подсудимымъ. Насъ 6-хъ выстроили гуськомъ. Министръ юстиціи князь Лобановъ очень хлопоталъ, чтобы все происходило надлежащимъ образомъ.

Передъ столомъ стоялъ пюпитръ на одной ножкѣ; на немъ лежали бумаги.

Оберъ-секретарь, пресмѣшной наружности первоначально сдѣлалъ намъ перекличку, и когда Кюхельбекеръ нескоро откликнулся на свое имя, то Лобановъ закричалъ повелительнымъ голосомъ: "Да отвѣчайте-же, да отвѣчайте-жъ!" Потомъ началось чтѣніе приговора. Когда прочли мое имя въ числѣ приговоренныхъ къ смертной казни, мнѣ показалось это только смѣшнымъ фарсомъ — и въ самомъ дѣлѣ намъ всѣмъ 6-мъ смертная казнь была замѣнена ссылкою въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Послѣ этого меня отвели опять въ 1-ой номеръ равелина. Священникъ обѣщался зайти ко мнѣ и не зашелъ. Едва успѣли меня раздѣть, какъ явился крѣпостной докторъ — съ вопросомъ о моемъ здоровьѣ. Я сказалъ, что у меня немного зубъ болитъ; онъ удивился и ушелъ. Его послали ко всѣмъ бывшимъ въ судѣ, чтобы подать помощь тѣмъ, которые занемогли, выслушавъ приговоръ.

Ужинъ-же дали не много ранѣе обыкновеннаго, и я тотчасъ-же крѣпко заснулъ. Въ полночь меня разбудили, принесли платье, одѣли меня и вывели на мостъ, который идетъ отъ равелина къ крѣпости. Здѣсь я встрѣтилъ опять Никиту Муравьева и еще нѣсколькихъ знакомыхъ. Всѣхъ насъ повели въ крѣпость; изо всѣхъ концевъ,

изо всѣхъ казематовъ вели приговоренныхъ. Когда всѣ собрались — насъ повели подъ конвоемъ отряда павловскаго полка черезъ крѣпость въ петровскія ворота. Вышедши изъ крѣпости, мы увидѣли влѣво что-то странное и въ эту минуту никому непоказавшееся похожимъ на висѣлицу. Это былъ помость, надъ которымъ возвышалось два столба, на столбахъ лежала перекладина, а на ней висѣли веревки. Я помню, что когда мы проходили, то за одну изъ этихъ веревокъ схватился и повисъ какой-то человѣкъ; но слова Мысловскаго увѣрили меня, что смертной казни не будетъ. Большая часть изъ насъ была въ той-же увѣренности.

На кронверкѣ стояло нѣсколько десятковъ лицъ — большею частью это были лица, принадлежавшія къ иностраннымъ посольствамъ; они были, говорятъ, удивлены, что люди, которые черезъ полчаса будутъ лишены, всего, чѣмъ обыкновенно такъ дорожатъ въ жизни, шли безъ малѣйшаго раздумья, съ торжествомъ и весело говоря между собою. Передъ воротами всѣхъ насъ (кромѣ носившихъ гвардейскіе и флотскіе мундиры) выстроили покоемъ спиной къ крѣпости, прочли общую сентенцію; военнымъ велѣли снять мундиры и поставили насъ на колѣна. Я стоялъ

на правомъ флангѣ и съ меня началась экзекуція. Шпага, которую должны были переломить надо мной, была плохо подпилена; фурлейтъ ударилъ меня ею со всего маху по головѣ, но она не переломилась: я упалъ. Ежели ты повторишь еще разъ такой ударъ, сказалъ я фурлейту, такъ ты убьешь меня до смерти. Въ эту миниту я взглянулъ на Кутузова, который былъ на лошади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и видѣлъ, что онъ смѣялся.

Всѣ военные мундиры и ордена были отнесены шаговъ на 100 впередъ и были брошены въ разведенные для этого костры.

Экзекуція кончилась такъ рано, что ее никто не видалъ; вообще передъ крѣпостью не было народа. Послѣ экзекуціи насъ отвели опять въ крѣпость и меня опять въ 1-ой No. равелина. Ефрейторъ, который принесъ мнѣ обѣдать, былъ необыкновенно блѣденъ и шепнулъ мнѣ, что за крѣпостью совершился ужасъ, что 5-хъ изъ нашихъ повѣсили. Я улыбнулся, нисколько ему не вѣря, но ожидалъ Мысловскаго съ нетерпѣньемъ. Наконецъ вечеромъ онъ взошелъ ко мнѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Я бросился къ нему и спросилъ: правда-ли, что была смертная казнь? — Онъ хотѣлъ было отвѣчать мнѣ шуткою, но я

сказалъ, что теперь не время шутить. Тогда онъ сѣлъ на стулъ, судорожно сжалъ сосудъ зубами и зарыдалъ. Онъ разсказалъ мнѣ все печальное происшествіе.

Послѣ приговора Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Рылѣевъ, Михайло Бестужевъ и Каховскій были отведены въ особые казематы. Сестра Сергѣя Муравьева Кат. Ив. Бибикова, узнавши, что братъ ея приговоренъ къ смертной кизни, поскакала въ Царское Село и просила черезъ Дибича о дозволеніи имѣть свиданіе съ братомъ. Ей позволено увидѣться съ нимъ на одинъ часъ. Свиданіе ихъ происходило въ домѣ коменданта Сукина и въ его присутствіи. Сергѣй Муравьевъ былъ очень покоенъ и просилъ сестру не оставлять попеченіями ихъ брата Матвѣя. Разлука ихъ навсегда, по словамъ самаго Сукина, была ужасна. Когда Сергѣй Муравьевъ возвратился въ казематъ, къ нему вошелъ въ печальнымъ видомъ плацъ-маіоръ Подушкинъ. Сергѣй Муравьевъ предупредилъ его: "вы конечно пришли надѣть на меня оковы." Подушкинъ позвалъ людей; на ноги ему надѣли желѣза. Тоже, было сдѣлано и съ 4-мя товарищами Сергѣя Муравьева. Всѣ смотрѣли совершенно покойно на приготовленія казни, кромѣ Михаила Бестужева: онъ былъ очень молодъ и

ему не хотѣлось умирать. Ночью пришелъ къ нимъ священникъ Мысловскій съ дарами. Кромѣ Пестеля, который былъ лютеранинъ, всѣ они причастились. Когда послѣ экзекуціи насъ ввели въ казематы — ихъ вывели передъ соборъ. Былъ 2-ой часъ ночи. Бестужевъ насилу могъ идти и священникъ Мысловскій велъ его подъ руку. Сергѣй Муравьевъ, увидя его, просилъ у него прощенья въ томъ, что погубилъ его. Когда ихъ привели къ висѣлицѣ Сергѣй Муравьевъ просилъ позволенья помолиться: онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: Боже спаси Россію и царя! Для многихъ такая молитва казалась непонятною, но Сергѣй Муравьевъ былъ съ глубокими христіанскими убѣжденіями и молилъ за царя, какъ молилъ Іисусъ на крестѣ за враговъ своихъ. Потомъ священникъ подошелъ къ каждому изъ нихъ съ крестомъ. Пестель сказалъ ему: "Я хоть не православный, но прошу васъ благословить меня въ дальній путь." Прощаясь въ послѣдній разъ, они всѣ пожали другъ другу руки. На нихъ надѣли бѣлыя рубашки, колпаки на лицо и завязали имъ руки. Сергѣй Муравьевъ и Пестель нашли и послѣ этого возможность еще разъ пожать другъ другу руку. Наконецъ ихъ поставили на помостъ и каждому накинули петлю.

Въ это время священникъ, сошедши по ступенямъ съ помоста, обернулся и съ ужасомъ увидѣлъ висѣвшихъ Бестужева и Пестеля и троихъ, которые оборвались и упали на помостъ. Сергѣй Муравьевъ жестоко разбился; онъ переломилъ ногу и могъ только выговорить: "Бѣдная Россія! и повѣсить-то порядочно у насъ не умѣютъ!" Каховскій выругался по-русски. Рылѣевъ не сказалъ ни слова. Неудача казни произошла отъ того, что за полчаса передъ тѣмъ шелъ небольшой дождь, веревки намокли, палачь не протянулъ довольно петлю, и тогда опустилъ доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули съ ихъ шеи. Генералъ Чернышевъ, бывшій распорядителемъ казни, не потерялъ голову; онъ велѣлъ тотчасъ-же поднять трехъ упавшихъ и вновь ихъ повѣсить. Казненные оставались не долго на висѣлицѣ; ихъ сняли и отнесли въ какой-то погребъ, куда едва пропустили Мысловскаго; онъ непремѣнно хотѣль прочесть надъ ними молитвы.

Еще нѣсколько словъ о Мысловскомъ. 15-го Іюля на петровской площади былъ назначенъ нарадъ и очистительное молебствіе, которое долженъ былъ отслужить митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ. Протоіерей Мысловскій отпустилъ образъ

казанской Божьей Матери на молебствіе съ другимъ священникомъ, а самъ въ тоже время надѣлъ черную ризу и отслужитъ въ казанскомъ соборѣ панихиду по пяти усопшимъ. Бибикова зашла помолиться въ казанскій соборъ и удивилась, увидавъ Мысловскаго въ черномъ облаченіи и услышавъ имена Сергѣя, Павла, Михаила, Кондратія.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.

